

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(романо-германские языки)

Ответственный редактор
канд. филол. наук, доцент В. Н. Купрянова



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1981

Лексико-грамматические исследования (романо-германские языки).— Новосибирск: Наука, 1981.

В сборнике публикуются статьи об особенностях ораторской речи, о построении английского предложения и об употреблении репрезентанта «would», рассматриваются вопросы сохранения эмоционально-экспрессивного содержания текста при переводе, а также важнейшие закономерности просодических характеристик спонтанной речи.

Книга рассчитана на преподавателей иностранных языков в вузах и аспирантских группах.

А. А. СТРИЖЕНКО

О ПРИЕМАХ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ (на материале английского языка)

Ораторская речь представляет собой определенный тип текста, характеризующийся наличием своих параметров. Текст выступления, как правило, готовится оратором заранее, фиксируется в письменном виде и издается в газетах, журналах, книгах. Целевая установка выступления предполагает учет многих факторов: психологических, социальных, мотивационно-целевых и, в конечном итоге, языковых. В связи с тем, что прогнозируется реакция слушателей, прогнозируется и действие вербальных средств, используемых говорящим. Лингвистическое оформление ораторской речи — отбор лексики, синтаксическое построение, выбор стилистических средств и приемов — способствует обеспечению целевой установки общения, которая в буржуазном ораторском искусстве обычно характеризуется двуплановостью: помогает создать лояльное отношение к буржуазной идеологии и негативное отношение к противостоящей ей идеологии марксизма-ленинизма.

Ораторская речь, включая в себя как пропагандистские, так и агитационные методы и приемы, дает возможность оказывать идеологическое воздействие на аудиторию.

Мы попытаемся выявить языковую специфику этого жанра публицистического стиля, определяемую мотивационно-целевыми факторами и особенностями стиля: «Метод конкретизации целиком зависит от принципов оратора, его идеологии, т. е. его партийно-классовой позиции» [1, с. 13]. Материалом исследования послужили высказывания и речи буржуазных политических деятелей США и Англии.

Наиболее характерный признак ораторской речи — ее явная (эксплицитная) или скрытая (имплицитная) полемичность, ведущая к определенной четкости лингвистического оформления и «стилистической перспективы» [2, с. 24]. Система средств выражения в публицистическом стиле имеет индивидуализированный, ограниченный характер.

Советский исследователь В. Гофман подчеркивает, что речь такого типа представляет собой не простое сообщение, а идеологический спор [1, с. 140]. Выступления современных буржуазных политических деятелей построены таким образом, чтобы подвести аудиторию в перспективе к решению спора с позиций антикоммунизма. Структурно-композиционное построение публичного выступления таково, что в одном и том же сверхфазовом единстве (абзаце) даются два тезиса: положительная оценка позиции оратора и негативная оценка позиции идеологического противника. Приведем пример:

So, as we unite on this May 1 to celebrate the rule of law — (1) while men and women in remote parts of the world march in disciplined ranks to celebrate the rule of arbitrary power — (2) let us with courage and confidence rededicate ourselves to the vision of John Marshall. The vision of a free republic in which free men freely use law and government as the means of solving problems within a framework of equity and justice [3, с. 70].

Вторая часть высказывания характеризуется положительной оценочностью, в ней отражается субъективная точка зрения оратора на политическое устройство США. В этой части используются слова и словосочетания эксплицитной положительной оценки: *free men, free republic, freely use, equity, justice*. Вторая часть высказывания противопоставляется первой, в которой дается имплицитная, завуалированная негативная оценка стран социализма, для номинации которых используется перифраз *the rule of arbitrary power*.

В тех случаях, когда буржуазные ораторы допускают некоторую критику отрицательных сторон капиталистического строя в одном из тезисов выступления, в другом тезисе они дают завуалированную критику социализма. Аудитория подводится к неприятию системы социализма. При этом прямого обозначения СССР нет, используется, как правило, вторичная номинация (перифраз):

(1) We know full well the faults of our democracy — the handicaps of freedom — the inconvenience of dissent. (2) But I know of no American who would not rather be a servant in the imperfect house of freedom, than be a master of all the empires tyranny [3, с. 181],

Критика капиталистического строя, допускаемая буржуазным оратором, носит весьма общий расплывчатый характер: faults of democracy, handicaps of freedom, inconvenience of dissent, imperfect house of freedom и т. д. Однако в связи с тем, что слова democracy и freedom характеризуются высокой степенью положительной оценочности, критические нотки, создаваемые вышеупомянутыми словосочетаниями, как бы затушевываются. Сильная степень отрицательной оценочности фразы all the empires of tyranny, несмотря на ее имплицитный характер, делает ее ударной в высказывании.

Ораторское искусство рабочего класса и буржуазии — идеологически противопоставлены. Основу первого составляют идеи научного коммунизма — идеология марксизма-ленинизма. Основу второго — идеология антикоммунизма: «Принципы риторики — это переодетые политические принципы» [1, с. 76]. Буржуазное ораторское красноречие используется для того, чтобы противодействовать влиянию революционных идей или хотя бы нейтрализовать его до некоторой степени. С этой целью используются все средства вплоть до клеветы на социалистический строй, фальсификации политики и целей коммунистических партий, искажения учения марксизма-ленинизма. Ораторская речь, являясь основной частью буржуазной пропаганды, выполняет те же функции, что и пресса в целом, т. е. организационную, агитационную и пропагандистскую [4, с. 37].

Приведем основные приемы буржуазной ораторской речи.

1. Прием незначительного изменения одного слова в высказывании, клишированной фразе или фразеологическом сочетании, используемый для внесения в речь оттенков саркастичности и ироничности. Рассмотрим, как обыгрывается значение фразеологизма silent majority, впервые использованного в речи Р. Никсона для того, чтобы показать, что «молчаливое большинство аме-

риканцев» поддерживает политику правительства США во Вьетнаме:

It was not so much to encourage the "silent majority" to expression as to render silent the majority of men and women who report, edit, and broadcast the news and commentary [5, с. 34].

В том же духе обыгрывается политический термин axis, использованный первоначально для обозначения союза держав, включающего Германию, Италию и Японию до и во время второй мировой войны:

(Axis Powers): The guiding philosophy of this entire operation is the Spiro Agnew syndrome of distrust of the "Washington — New York news axis" and the "Eastern Press" in general [5, с. 85].

Лингвистическое видоизменение аллюзий, фразеологических единиц или клишированных высказываний и даже семантическое противопоставление этих языковых единиц и их перифраза не означают полного семантического отрыва перифраза от породившей его аллюзии или фразеологической единицы. Перифраз даже в его семантической противопоставленности им сохраняет с ними смысловую связь. Всякое понятие и слово predispose к появлению семантически бинарной оппозиции, объективно заложенной в них. Первоначальное понятие и слово могут вызывать круг понятий и слов, семантически противопоставленных им, что является проявлением действия закона семантической ассоциации, выявляющейся по принципу смежности или противопоставленности понятий и слов.

2. Прием интимизации способствует созданию контакта говорящего с аудиторией, т. е. созданию эффекта непосредственности их общения. Сложность процесса социально ориентированного общения заключается в том, что оно протекает в условиях большего или меньшего расхождения во мнениях.

В связи с различием классовой принадлежности и классовых интересов говорящего и аудитории социально ориентированное общение, частным проявлением которого является ораторская речь, характеризуется действием процесса отчуждения. С точки зрения марксистско-ленинской идеологии отчуждение понимается как «объективный социальный процесс, присущий

классово-антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему» [6, с. 22].

Это вынуждает оратора использовать средства, способствующие уменьшению разобщенности говорящего и аудитории, заставляет его заручаться «соответствующей степенью согласия и поддержки со стороны контролируемых и направляемых групп, чтобы быть в состоянии осуществлять свою политику и программы» [7, с. 13]. Этому служит прием интимизации.

Одним из лингвистических средств выражения приема интимизации является местоимение *we*, как бы объединяющее говорящего и аудиторию. Хотя оратор выражает свои собственные взгляды, теории, идеи, использование местоимения *we* позволяет ему предположительно считать, что его позиция разделяется аудиторией. Приемы интимизации — характерная черта выступлений Р. Кеннеди, например:

Only if *we* are able to instill that understanding will people with grievances begin to realize that there is a practical and realistic alternative to street demonstrations and sit-ins. But *we* have to make sure both that there is an alternative, and that the nature of that alternative is clearly understood [3, с. 180].

В некоторых случаях оратор «раскладывает» в своем высказывании местоимение *we* на составляющие *I* и *you* с целью донести до аудитории идею единения оратора и слушателей:

So, *we* have a clear-cut responsibility, *I*, as Attorney General, and *you*, as businessmen who have been highly successful in your careers. First and foremost, *we* must work to attain the vote for all our fellow citizens [3, с. 88].

Местоимение *our* так же, как и местоимение *we*, способствует созданию эффекта контакта говорящего с аудиторией, делает более весомым идеи говорящего, усиливает их убедительность:

Our greatest primary task is to put people to work. This is no insoluble problem if *we* face it wisely and courageously [8, с. 232].

Our stake in the Continent will not rest on today's crisis, on political maneuvering for passing advantage, or on the strategic priority *we* assign it. *Our* goal is to help sustain the process by which Africa will gradually gain economic progress to match its aspiration [9, с. 114].

В ораторской речи можно четко проследить взаимодействие приема интимизации и способов выражения личной позиции оратора, проявляющееся в противопоставлении личных местоимений I — we. Это противопоставление можно рассматривать как проявление антагонистичности, отчуждения между говорящим и аудиторией.

Еще одним местоимением, используемым для выражения приема интимизации в ораторской речи, является местоимение us:

With this success before us, is it not time — and past time — for us to create a world-wide Marshall plan in the field of ideas? [10, с. 13].

Для актуализации приема интимизации могут использоваться и другие лингвистические средства, выражающие отношение говорящего к излагаемой им информации: оценочные прилагательные и наречия, модальные и некоторые смысловые глаголы, часто в форме, служащей для выражения воли говорящего и побуждающей аудиторию присоединиться к выполнению желательного для оратора действия:

Let us not leave them to be "sheep without a shepherd" when the snow shuts out the sky. Let us show them that we have not forgotten the constancy and faith and the hope — of the Irish [3, с. 198].

Let us now aim to close the mental gap between ourselves and the people of the world [10, с. 13].

Субъективная направленность высказывания, реализуемая посредством модальных глаголов, требует некоторой мыслительной деятельности со стороны аудитории:

Can we forge against these enemies a Grand and Global Alliance, North and South, East and West, that can assure a more fruitful life for all mankind. Will you join in that historic effort? [8, с. 270].

В данном высказывании используется сочетание трех элементов: модальные глаголы, выражающие субъективный импульс говорящего; местоимение we, объединяющее оратора и аудиторию; вопросительные предложения, особенно риторические, вызывающие автоматическую реакцию аудитории.

Еще одним лингвистическим средством актуализации приема интимизации является наречие together:

If we do this **together**, then that child born last year, that Negro child, that Appalachian child — and all children, like them, will disappoint the odds-makers and the handicappers. And **together** we shall collect the winnings for having created failure and having glorified opportunity [3, c. 235].

Together we shall save our planet or **together** we shall perish in its flames [12, c. VII].

Тема духовного и национального единения была использована Р. Никсоном в инаугурационной речи, чтобы скрыть расистскую природу американского общества:

To go forward at all is to go forward **together**. This means black and white **together**, as one nation, not two [8, c. 281].

Фраза «black and white **together**» заимствована из песни борцов за гражданские права в США «We Shall Overcome». Высказывание было воспринято аудиторией как обещание равенства белых и черных. Эту же тему развивает и Дж. Картер, высказывание которого буквально перегружено наречием **together**:

Let us learn **together** and laugh **together** and work **together** and pray **together**, confident in the end we will triumph **together** in the right [13, c. 8].

С помощью наречия **together** проповедуется идея духовного, классового и национального единства. Ораторы призывают аудиторию к единству, игнорируя объективные предпосылки и условия, разобщающие нацию.

3. Прием рифмовки способствует лучшему запоминанию и поэтому часто используется в лозунгах, надписях, на значках: «The E.E.C. is not for me» (E.E.C. — Европейское экономическое сообщество), «I like Ike» (Ike — Д. Эйзенхауэр), «Who Else but Nelse» (Nelse — Н. Рокфеллер), «All the way with LBJ» (LBJ — Л. Б. Джонсон).

4. Прием использования контрапунктных фраз, т. е. повторного ритма с инверсией или замена одного или двух слов во фразе с сохранением синтаксического рисунка предыдущей фразы:

We have fought side by side to make America free, let us hand in hand struggle to make her happy (A. Hamilton).

As men do not live by bread alone, they do not fight by armaments alone (Er. D. Roosevelt).

Let us never negotiate out of fear, but let us never fear to negotiate (J. Kennedy).

A willingness to resist force unaccompanied by a willingness to talk, could provoke belligerence — while a willingness to talk, unaccompanied by a willingness to resist force, could invite disaster (J. Kennedy).

While we shall negotiate freely, we shall not negotiate freedom (J. Kennedy).

Ask not what your country can do for you — ask what you can do for your country (J. Kennedy).

We must adjust to changing times and still hold to unchanging principles (J. Carter).

5. Прием аллитерирования:

I profoundly hope that the tragedy and torment of these terrible days will bind us together (L. Johnson).

Mr. Kennedy came to Washington a combination of cockiness, conservatism and confusion (R. G. Martin).

... and they touch in this man nerves that pound the heart and spur the spirit and snap the tongue (R. G. Martin).

Words can do more than convey policy. They can also convey and create a mood, an attitude, an atmosphere — or an awakening (J. Kennedy).

Иногда этот прием используется без чувства меры и носит нарочитый характер:

... not heroics but healing, not nostrums but normalcy, not revolution but restoration, not agitation but adjustment, not surgery but serenity, not the dramatic but the dispassionate, not experiment but equipoise, not submergence in internationality but sustainment in triumphant nationality (J. Harding).

6. Прием перечисления:

Every place, every city, every community, every country that I visited — whether it was a press-conference, a talk with students or a meeting with labor leader or businessmen — I was questioned about problems here in the United States — what progress we were making, what steps we were taking [3, с. 59].

В этом высказывании использовано несколько тематических перечислительных рядов: 1) place, city, community, country; 2) a press-conference, a talk, a meeting; 3) progress, steps; 4) students, labor leader, businessmen. Каждый из членов тематического перечислительного ряда характеризуется наличием дополнительного признака по сравнению с другими. В первом тематическом перечислительном ряду, например, наблюдается нарастание величины каждого последующего объекта; во втором и третьем — объекты характеризуются как более или менее однородные, следовательно, слова, обозначающие их, воспринимаются как более или менее синонимичные, хотя оттенки значения в

них разнятся. В четвертом обозначается номинация деятеля. Такая структура высказывания дает возможность говорящему сделать свое утверждение более убедительным, информация как бы «вдабливается» в сознание аудитории. Прием перечисления здесь используется в сочетании со стилистическим приемом ретардации, задержки, что позволяет оратору держать внимание аудитории.

7. Прием синонимизации, связанный с возможностью использования эмоционально-экспрессивной окраски синонимов, их стилистического потенциала. Т. Г. Винокур отмечает, что «более выразительны, (а потому и более убедительны)... также синонимические ситуации, в которых действует смешанное сопоставление. В нем соединяются оттенки и предметно-логических, и экспрессивно-стилистических различий. Это свидетельствует с неоспоримой ясностью если не об объективном неравенстве информации, передаваемой сопоставленными единицами языка, то во всяком случае об отношении к ним участников коммуникации как содержащим неодинаковую информацию» [15, с. 99].

Синонимический ряд, используемый в высказывании, строится по принципу усиления признака, выраженного ключевым словом ряда, в связи с добавлением смысловых и стилистических оттенков в остальные слова. Создается своеобразный синтаксический рисунок:

But in a larger sense, we cannot dedicate — we cannot consecrate — we cannot hallow — this ground [8, с. 314].

В данном высказывании использована конструкция we cannot + серия глаголов-синонимов. За счет использования синонимического ряда dedicate, consecrate, hallow актуализируется и стилистический прием усиления, нарастания.

8. Прием драматизованного противопоставления, дающий возможность говорящему усилить смысловой и стилистический эффект высказывания, произвольно противопоставляя два понятия, объекта, события, при этом обычно сгущая краски. Такое противопоставление часто не подчиняется законам антонимизации:

(I) Today — our transition is from tranquility of a nation occupied with its internal affairs — (II) to a nation challenged to do

no less than (1) lead the world through a wilderness of terror and oppression — or by default — (2) to be held accountable for the death of western civilization [12, с. 129].

Здесь использовано двойное противопоставление: I часть противопоставлена части II; первая характеризуется в целом положительной оценочностью, вторая — отрицательной. Во II части проводится еще одно противопоставление между частями высказывания 1 и 2, причем первой из них приписывается положительная оценка, второй — придается отрицательная оценочность. Драматизация высказывания достигается тем, что определенные аспекты политической жизни противопоставляются произвольно, а средства, используемые для их отражения в языке, ярко окрашиваются эмоционально.

«Журнализм, — писал Макс Уэйз, — имеет глубоко укоренившуюся и прискорбную тенденцию предпочитать драматическую конфронтацию экстремальных точек зрения менее захватывающим процессам приемлемого общения...» [16, с. 123]. Вопиющим примером произвольной драматизованной конфронтации служит высказывание, где коммунизм рассматривается как угроза миру на земле:

Our avowed national objective is peace. We have with great sincerity. **waged peace**, while the Communists **wage war**. We have **sought settlements**, while the Communists **seek victories**. We have tried to **pacify** the world. The Communists mean to **own** it. Here is why the contest has been an unequal one, and why, essentially, we are losing it [12, с. 125].

В этом высказывании действиям США дается положительная оценка, действиям СССР — отрицательная. Используя прием противопоставления, Б. Голдуотер, ярый антисоветчик, настойчиво подводит аудиторию к мысли о том, что необходима война с СССР. Противопоставляемые слова и словосочетания не являются антонимами, например: **seek settlements — seek victories, to pacify the world — to own the world**. Единственная антонимичная пара здесь **peace — war**. Эффект противопоставления в контексте создается положительной и отрицательной оценочностью. Информация в высказывании носит либо явно дезинформирующий, либо эвфемистический характер.

Прием драматизованного противопоставления используется чаще всего тогда, когда аудиторию вынуж-

дают сделать быстрый выбор, принять срочное решение, оказать оратору мгновенную поддержку. В приведенном ниже высказывании Дж. Кеннеди речь идет о необходимости, с его точки зрения, увеличения военного бюджета США. На аудиторию оказывается воздействие с помощью анализируемого нами приема:

Consequently those of us who call for a higher defense budget are taking a chance on spending money unnecessarily. But those who oppose these expenditures are taking a chance on our very survival. The only real question is, which chance, which gamble, do we take — our money or our survival? The money must be appropriated now — the survival will not, we hope, be at stake for a few more years [11, с. 38].

Когда в качестве альтернативы увеличения военного бюджета выдвигается гибель нации, становится понятным, какое решение может принять аудитория под нажимом оратора.

9. Прием предположительности в том, чтобы с помощью имплицитных средств внедрить в сознание аудитории некое понятие об объекте, избегая прямой номинации:

And I can see, in the distant and yet recognizable future the outlines of a world worthy of our dedication, our every risk, our every effort, our every sacrifice along the way. Yes, a world that will redeem the suffering of those who will be liberated from tyranny [14, с. 296].

В данном высказывании внимание аудитории акцентируется на «подводном течении» высказывания, его глубинной структуре. Такая информация носит самый общий, расплывчатый, «намекающий характер». Как подчеркивается в книге «An Introduction to Rhetorical Communication», «предположение является процессом порождения значений в сознании аудитории без присутствия особых референтов для этих значений в сообщении коммуникатора» [14, с. 197].

10. Прием вовлечения аудитории в личностный мир говорящего позволяет как бы уменьшить «социальное расстояние» между говорящим и аудиторией:

I don't believe that I ought to quit, because I am not a quitter. And, incidentally, Pat (жена оратора) is not a quitter. After all, her name was Patricia Ryan and she was born on St. Patrick's Day, and you know the Irish never quit [14, с. 308].

11. Прием коллоквиализации речи также способствует уменьшению «социального расстояния» между говорящим и слушающими:

And I can tell you folks that she (жена оратора) has worked many hours nights and many hours on Saturdays and Sundays in my office ... [14, с. 301].

Let me say, incidentally, that some of you may say, well, that is all right, Senator, that is your explanation, but have you got any proof? [14, с. 302].

Well, then, the question arises, you say, well, how do you pay for these and how can you do it legally? [14, с. 301].

Приемы 10 и 11 близки приему интимизации. Эта близость проявляется в содержательном и в лингвистическом плане, однако наблюдается различие форм и средств.

12. Прием уклончивости, проявляющийся в том, что говорящий старается скрыть свои истинные намерения, точное знание предмета речи, использует увертки, отговорки, вымышленные пропозиции. В следующем ниже примере речь идет о проекте договора США с Панамой по Панамскому каналу. Говорящему задается следующий вопрос:

How important will it be for the United States to maintain bases in the Canal Zone after the year 2000 and is the removal of our military bases a valid point of concern? [19, с. 130].

Ответ дается в весьма завуалированной форме:

I would think that from a military point of view, if it should become necessary, unhappily, some time in the future, to use force with respect to the canal, there will be considerable convenience in having forces already ashore rather than making ab initio landing from the sea. But on the other hand, that is not a matter of decisive effect because our capacity for doing what is necessary would be there in any event.

I am a little hesitant to inject this next comment at this stage of the debate in both countries but we have 23 years in which to work out an effective relationship with Panama and the Panamanians need us and if we conduct ourselves well I don't abandon the possibility that some of these bases might be retained beyond the 2000 by additional agreements with Panama. That depends upon circumstances [17, с. 130].

Первое предложение оформлено так, чтобы затянуть ответ на прямо поставленный вопрос, уклониться от него: «I would think if it should become necessary — unhappily — some time in the future — there will be considerable convenience». И только во втором предло-

жении начинает выявляться суть отношения говорящего к поднятой проблеме, выраженная, однако, в завуалированной форме: «...our capacity for doing what is necessary would be there in any event». В третьем предложении также использован прием уклончивости. В данном высказывании наблюдается расхождение между смыслом и значением слов, обусловленное закономерностями социально ориентированного общения в буржуазном обществе, где особо значимы скрытые мотивы и цели общения. В социально ориентированном общении возможно выявить языковые формы проявления социально обусловленного пристрастия говорящего, его необъективности, классового интереса.

Таким образом, нами выделены некоторые приемы буржуазной ораторской речи, основное назначение которой заключается в том, чтобы: усилить экспрессивность высказывания, способствовать созданию контакта говорящего с аудиторией, выразить субъективную направленность содержания высказывания, сделать его более убедительным и понятным, уменьшить «социальное расстояние» между говорящим и аудиторией; скрыть свои истинные намерения.

Видоизмененной формой ораторской речи является социально ориентированная диалогическая речь, например дебаты в Конгрессе США и парламентские дебаты в Англии.

Б. Бернстайн в работе «Class, Codes and Control» перечисляет характерные лингвистические параметры публичной речи, основными из которых является следующие: простая синтаксическая конструкция, простые союзы; устойчивые прилагательные и наречия, утверждения, сформулированные как имплицитные вопросы, символизм малой степени обобщения, имплицитность значения и т. п. [18, с. 42—43].

Публичная речь, с точки зрения М. Эдельмана, предполагает наличие общих норм, отражаемых и усиливаемых посредством языка. Это такая форма общения, которая используется для поддержки и оправдания политического строя, преобладающей идеологии. М. Эдельман выделяет следующие параметры и признаки публичной речи: 1) термины, классифицирующие людей в соответствии с уровнем компетенции, заслуг, патологии, полномочий (*deserving of undeser-*

ving poor, superior or subnormal IQ, skilled diplomatic negotiator, authoritarian personality, public-spirited businessman); 2) термины, имплицитно определяющие правительственную партию и оппозицию в качестве конфликтующих сторон. Примером служат магнитофонные записи Белого дома во время Уотергейтского дела; 3) презентационные формы, оправдывающие действия и политику правительства. В эту группу включаются предвыборные кампании, административные слушания, законодательные процедуры, судопроизводство, дипломатические процедуры, ораторская речь и т. п. Функция всех этих форм — защита и оправдание правительственной политики перед народом [19, с. 103—117].

Таким образом, публичная речь в целом и ораторская в частности предоставляют большой материал для исследования проблемы использования языка в идеологической борьбе. Выявление приемов буржуазной ораторской речи, направленных на усиление эффективности влияния, позволяет «подойти к решению ряда вопросов, связанных с определением направленности и степени воздействия отдельных каналов массовой информации на аудиторию...» [20, с. 128]. Выявление лингвистических средств, используемых в ораторской речи для того, чтобы способствовать примирению аудитории с существующими в буржуазном обществе социальными условиями, нормами поведения и социальными ценностями, представляет большой интерес. Буржуазной пропагандой разработана техника идеологического воздействия с помощью языка. Характеристика языка, используемого в целях овладения сознанием аудитории, позволяет выявить действительные мотивы и цели оратора, механизм искажения представлений о реальной действительности в социально ориентированном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман В. А. Слово оратора. Л., 1932.
2. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык.— Рус. язык в школе, 1939, № 4.
3. Rights for Americans. The Speeches of Robert F. Kennedy/Ed. by Thomas A. Hopkins. N. Y., 1964.
4. Орлов Ю. Я. Западногерманское газетоведение о функциях и принципах печати.— В кн.: Современные буржуазные тео-

- рии журналистики/Под ред. Я. Н. Засурского. М., Изд-во МГУ, 1967.
5. Aronson J. Packaging the News. A Critical Survey of Press, Radio, TV. N. Y., 1971.
 6. Огурцов А. П. Отчуждение.— БСЭ, т. 19.
 7. Beer S. Government and Politics: an Imbalance. N. Y., 1967.
 8. Lott D. N. The Presidents Speak. The Inaugural Addresses of the American Presidents from Washington to Nixon. New York — Chicago — San Francisco, 1969.
 9. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon President of the United States, 1970, Febr. 18.
 10. Speech by Benton W. S. Senator from Connecticut. The struggles for the Minds and Loyalties of Mankind — Proposing a Marshall Plan for Ideas.— In: Propaganda and International Relations/Ed. by U. G. Whitaker. San Francisco, 1962.
 11. Excerpts from Speeches by Senator John F. Kennedy, 1961.
 12. A Grand and Global Alliance. The Summons to World Peace Through World Law/Ed. by Jozeph A. Bagnall. Minneapolis, 1968.
 13. Newsweek, 1977, 31 Jan.
 14. McCroskey J. C. An Introduction to Rhetorical Communication. New Jersey, 1972.
 15. Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий. Стилистические исследования. М., 1972.
 16. Keogh J. President Nixon and the Press. N. Y., 1972.
 17. Proposed Panama Canal Treaties. Hearings Before the Committee on International Relations, House of Representatives. Ninety-Fifth Congress. First Session. September 8, 14, 15, 20, 26, 28 and October 11 and 20, 1977. Washington, U. S. Government Printing Office, 1978.
 18. Bernstein B. Class, Codes and Control. Vol. 1. Theoretical Studies towards a Sociology of Language. L., 1971.
 19. Edelman M. Political Language. Words That Succeed and Policies That Fail. N. Y.— San Francisco — London, 1977.
 20. Воронцов Ю. В. Критика методологических принципов буржуазной социологии средств массовой коммуникации.— В кн.: Социология и идеологическая борьба. М., 1978.

Е. С. БЛИНДУС

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЛИПТИЧЕСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (на материале английского языка)

Стремление избежать повторяемости смысловых единиц и этим достичь сокращения структурного объема предложения — одна из главных причин развития в английском языке синтаксических процессов редуцирования — опущения (эллипсиса), репрезентации и за-

мещения (субституции). Опускание в отличие от репрезентации и замещения является наиболее активным среди этих синтаксических процессов. По-видимому, благодаря высокой активности при формировании предложения эллипсис наиболее полно изучен в сравнении с репрезентацией и замещением.

Существуют две противоположные точки зрения на состав эллиптического предложения. Согласно первой, одним из основоположников которой был А. А. Шахматов, эллипсис — это процесс, исключаящий только структурно обязательные элементы предложения (подлежащее или сказуемое) [1, с. 171; 2, с. 109]. Вторая точка зрения предполагает, что эллиптическим следует считать предложение, в котором опущен любой его элемент — структурно обязательный или факультативный. В исследовании синтаксиса русского языка приоритет в этой трактовке принадлежит А. М. Пешковскому [3, с. 396]. В англистике такого взгляда придерживаются Б. А. Ильин [4, с. 252], Л. С. Бархударов [5, с. 180], А. М. Мухин [6, с. 172], В. П. Кобков [7, с. 3, 16].

И действительно, если какой-либо из опущенных элементов предложения — главный или второстепенный член предложения или его служебная часть — восстанавливается благодаря опоре эксплицитного состава предложения на контекст (синтагматически) или на установившиеся формально-грамматические закономерности (парадигматически), то такое предложение следует считать эллиптическим (поскольку эллипсис — это «пропуск... элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого...» [8, с. 525]). Думается, что каждое предложение, в котором отсутствие эксплицитно выраженного элемента любого уровня значимо и соответственно возможно его восстановление, является эллиптическим. Иначе, как квалифицировать предложение, в котором переведены в импликацию его второстепенный член или служебное слово? Разве при опущении факультативного элемента он теряет способность восполнять соответствующую позицию в составе предложения? Первая точка зрения не дает ответа на эти вопросы.

Теорию эллиптического предложения английского языка в известной мере ослабляет разноречивый подход к односоставному предложению (*A long pause; No*

answer; No attempt to answer и т. п.). Некоторые исследователи выводят эту структурную форму за пределы эллиптических предложений, наделяя ее самостоятельным грамматическим статусом [2, с. 140]. Обоснованием принадлежности этих предложений к категории односоставных является: 1) отнесение односоставного предложения к области языка, а неполного или эллиптического предложения к сфере речи и соответственно признание наличия у первого и отсутствия у второго собственной модели в языке; 2) отрицание возможности подстановки каких-либо элементов в структуре односоставного предложения, поскольку из контекста содержание эксплицируемого элемента однозначно не устанавливается; 3) относительная узость круга лексических значений, передаваемых односоставными предложениями в отличие от эллиптических предложений, разнообразие которых слабо поддается учету.

Такое толкование односоставных предложений представляется неправомерным. Первый довод в пользу существования в языке односоставного предложения можно считать справедливым, только когда последнее сравнивается с эллиптическими предложениями, создаваемыми условиями контекста и в коммуникативном плане действительно являющимися порождением речи. Но, например, эллиптические предложения, организуемые на основании сложившихся в языке формально-грамматических закономерностей, вызванные к жизни требованиями синтаксической системы языка, принадлежат к сфере языка и подвержены моделированию. К этому типу эллиптических предложений мы относим и односоставное предложение, так как вслед за Л. С. Бархударовым считаем, что английскому предложению присуща двусоставная подлежащно-сказуемая структура и односоставное предложение — это эллипсис двусоставного предложения, где один из элементов представлен нулевым вариантом, эксплицитное выражение которого в данном случае осуществляется парадигматически (с опорой на существующую в языке парадигму структурных моделей предложения) [5, с. 176—185].

Если согласиться, что английское предложение всегда бинарно и односоставное предложение является эллиптическим, то в его структуре, как и в структуре

любого предложения с опущенным членом, возможно восполнение недостающего элемента. Так, приведенные выше предложения могут быть преобразованы (с помощью трансформации восполнения) в двусоставные варианты: *It is a long pause; There is no answer; There is no attempt to answer.* Допустимость же нескольких вариантов эксплицируемого элемента в этих парадигматически восполняемых предложениях, думается, не имеет принципиального значения при определении структурного типа предложения. Скорее, наоборот, возможность нескольких вариантов восполняемых предложений — лишнее доказательство в пользу двусоставности предложений этого типа.

Известная ограниченность лексического содержания односоставного предложения в сравнении с контекстуальными эллипсисами также не может быть критерием при квалификации состава предложения. Это — компетенция синтаксиса, а не лексикологии.

Среди терминов, отражающих различные стороны грамматической сущности эллипсиса, есть термин «ситуативный эллипсис», включенный в «Словарь лингвистических терминов», в словарную статью «эллипсис» как термин меньшего семантического объема наряду с термином «контекстуальный эллипсис» [8, с. 525].

Никакой термин при раскрытии грамматического понятия не передает это понятие в абсолютном смысле. Содержательно термин всегда относителен и поэтому в какой-то мере условен. Он может быть более или менее «объемным». Но в любом случае он не должен затруднять понимание определяемого им понятия. Нам кажется, что термин «ситуативный эллипсис» не отвечает этому требованию.

Если термин «контекстуальный эллипсис» вполне определенно и конкретно характеризует синтаксическую сущность эллиптической структуры, опущение в которой реализуется по контекстуальным соображениям, то термин «ситуативный эллипсис» не отвечает прежде всего на вопрос, какие структуры он квалифицирует. Термин «ситуация» передает свой широкий смысл детерминатору «ситуативный», а тот в свою очередь — рассматриваемому термину в целом, делая последний семантически расплывчатым.

Понимание данного термина затрудняется еще и тем, что у значений исходных элементов детерминаторов сравниваемых терминов «контекст» и «ситуация» отмечается наложение определенной части их семантического диапазона, что не содействует дифференцирующей функции терминов «контекстуальный эллипсис» и «ситуативный эллипсис», тогда как в оптимальном случае они должны были бы образовать своеобразную терминологическую оппозицию, обозначая две большие группы эллиптических структур с различными грамматическими свойствами, различными истоками образования и способами экспликации недостающих элементов.

Л. С. Бархударов избегает применения вышеуказанных терминов и соответствующей классификации эллиптических предложений, а классифицирует последние по способу экспликации слова, представленного нулевым вариантом, называя два возможных типа предложений синтагматически восполняемыми и парадигматически восполняемыми [5, с. 180—187]. В. П. Кобков использует термины «анафорическое опущение» и «неанафорическое опущение». Он достигает вполне адекватного разграничения эллиптических структур путем выявления причин, вызывающих эти синтаксические процессы [7, с. 16; 9, с. 61—62]. Но если «анафорическое опущение» предполагает эллиптические структуры, не допускающие повторения упоминаемых в контексте элементов, то термин «неанафорическое опущение», охватывающий широкий круг разноуровневых эллиптических структур, не может раскрыть грамматическую сущность каждого из квалифицируемых образований. Правда, автор ограничившись исследованием только анафорического опущения, и не стремился определить свое отношение к термину «неанафорическое опущение».

Опираясь на уже известные положения: о делении всех эллиптических предложений английского языка на две группы и о реализации опущения в предложениях первой из групп именно по контекстуальным соображениям (с целью избежания повторения элементов, функционирующих в предшествующем контексте), мы провели статистический, структурно-семантический и трансформационный анализ эллиптических предложений второй группы, образуемых в соответствии с форма-

льно-грамматическими, логико-семантическими закономерностями и по другим причинам исторического развития сочетаемости слов английского предложения. Анализ показал, что: 1) среди названных эллиптических построений подавляющее большинство составляют эллипсисы, организуемые по формально-грамматическим закономерностям (это дало основание проводить дальнейшее изучение только этой группы эллипсисов); 2) каждое из эллиптических предложений может иметь свой полный вариант; 3) такие полные предложения, являясь более объемными, конструктивно менее предпочтительны по сравнению с эллиптическим вариантом и, по-видимому, поэтому менее употребительны; 4) создавая структурно-семантическую избыточность, предложения полного состава вытесняются эллиптическими предложениями по требованиям самой синтаксической системы языка, направленным на достижение конденсации мысленного содержания, структурной компактности и экономии языковых средств. Сравните эллиптические и полные варианты таких предложений: Early morning — It is early morning. Perfect silence — It is perfect silence. Nobody around — There is nobody around. Glass cracks when heated — Glass cracks when it is heated. The boy we spoke about is not guilty — The boy about whom we spoke is not guilty. No use making faces — There is no use one's making faces. I think it a dream — I think it to be a dream. She seemed insensible — She seemed to be insensible. He came in, eyes open and ugly — He came in, eyes being open and ugly.

Принимая во внимание фактор, вызвавший к жизни эллипсисы этого типа, — закономерности развития синтаксической системы английского языка, мы называем эти структурные образования системными эллипсисами. Таким образом, все эллипсисы разграничиваются нами на две большие группы — контекстуальные и системные¹.

¹ Понятие системного эллипсиса раскрывает причину образования односоставного предложения. Оно является порождением действующих в синтаксической системе языка законов редуцирования структурно всегда бинарного английского предложения — вне зависимости от контекста.

Предложенная классификация отличается от ранее упоминаемой классификации Л. С. Бархударова только направлением структурного преобразования предложений. Называя эллиптические предложения синтагматически восполняемыми и парадигматически восполняемыми, Л. С. Бархударов указывает те же источники формирования эллипсиса — синтагму (образуемую контекстом) и синтаксическую парадигму (создаваемую синтаксической системой языка), но процесс редуцирования предложения толкуется им в обратном направлении: от производной структуры к исходной, т. е. по способу экспликации опущенного элемента предложения. Нами же предлагается объяснение образования эллиптического предложения по направлению процесса редуцирования, от источника возникновения — контекста (синтагматического плана) или синтаксической системы языка (парадигматического плана), т. е. по направлению перевода структурного элемента в импликацию.

Покажем реализацию эллипсиса на материале потенциально-предикативных словосочетаний. В сфере этих словосочетаний представлены оба типа эллипсиса.

К контекстуальным эллипсисам относятся:

1) конструкции с нулевым вариантом субъектного компонента, совпадающего с субъектом или объектом матричного (или предшествующего) предложения:

Now, I have the satisfaction of being sure ... (E. B., p. 183).
...so I couldn't forgive Andrew for preaching immorality while he practiced morality (B. Sh., p. 26).

В исследуемом языковом материале среди контекстуальных эллипсисов — потенциально-предикативных словосочетаний — не зафиксированы нулевые варианты субъективного компонента — личного местоимения в именительном падеже и возвратного местоимения.

2) конструкции с нулевым вариантом предикатного компонента, совпадающего, как правило, со сказуемым предшествующего предложения:

I'll put my trash away, because you can make me if I refuse ... (E. B., p. 46).

"How many days a week do you think you'll be able to come, Mrs. Watt?" she said in a low voice. "How many days do you want me?" Mrs. Watt said. "Well, I'd like you every day..." (F. U., p. 97).

Анализируемый материал не дал примеров контекстуального эллипсиса с нулевым вариантом предикатного компонента — герундия и причастия.

Системными эллипсисами являются:

1. Конструкции с нулевым вариантом субъектного компонента неопределенно-личного и обобщенно-личного значения:

No use **making** a disturbance about it (J. C., p. 112);
... Nothing is so dangerous as **being too modern** (O. W., p. 133).

К этой подгруппе мы также относим образования со «свободно провисшим» (*dangling*) в структуре предложения предикатным компонентом — причастием, герундием, инфинитивом, опущенный субъектный компонент которых вобрал в себя элементы значений как неопределенности, так и обобщенности:

Taking all things into consideration (One taking all things into consideration), his lot is a happy one [10, с. 151—152].

After catching a thief (After one's catching a thief), he should be punished. **To repair** your radio (For one to repair your radio), it must be sent to the shop [11, с. 320—321, 340].

2) структуры с нулевым вариантом глагола-связки:

With force she would have found it **impossible** (E. B. p. 65).

I shall think **it a dream** tomorrow (E. B., p. 110).

Perceiving myself in a blunder, I attempted to correct it (E. B., p. 29).

A ray fell on his features; the cheeks were sallow and half covered with black whiskers, the brows lowering, the eyes deep set and singular (E. B., p. 106).

Mrs. Linton sat in a loose, white dress, **with a light shawl over her shoulders** ... (E. B., p. 168).

... she seemed directly **insensible** (E. B., p. 172).

... at this high **they appeared stationary** (G. G., p. 66).

She certainly seemed **in no laughing predicament** (E. B., p. 181).

Приведенные здесь конструкции с нулевым глаголом-связкой рассматриваются как эллиптические многими англичанами [12, с. 258—266; 10, с. 141, 150; 13, с. 66—67; 14, с. 81, 221; 15, с. 27; 16, с. 34; 17, с. 600—601, 614; 18, с. 42—43; 19, с. 87, 99].

Но существует и иное мнение, согласно которому исследуемые структуры с нулевой связкой квалифицируются как самостоятельные синтаксические порождения, функционирующие параллельно с конструкциями

с эксплицитно выраженной связкой [20, с. 271; 24, с. 244—245]. Эта точка зрения отличается от высказываний предыдущих авторов тем, что ее сторонники, говоря о существовании двух форм изучаемых здесь конструкций — с нулевой и эксплицитно выраженной связкой, фактически косвенно признают наличие парадигмы форм одной конструкции, возникшей в системе языка независимо от контекстуальных условий, т. е. эта позиция близка к признанию системного эллипсиса.

Принадлежность эллиптических потенциально-предикативных словосочетаний к контекстуальным эллипсисам устанавливается синтагматическим восполнением, т. е. восполнением слова, представленного нулевым вариантом, в своем звучащем варианте из окружающего контекста:

Now, I have the satisfaction of being sure (of my being sure) . . .

I'll put my trash away, because you can make me (me put it away) if I refuse.

Отнесенность эллиптических словосочетаний к системным эллипсисам проверяется парадигматическим восполнением нулевого варианта слова:

No use making (one's making) a disturbance about it.
I shall think it a dream (it to be a dream) tomorrow.

Правильность парадигматической экспликации подтверждается функционированием в языке примеров аналогичных конструкций полного состава. См., например, предложения с потенциально-предикативными словосочетаниями, в которых предикатный компонент — полного состава:

And I say what I could, I was incapable of making her comprehend it to be her own . . . (E. B., p. 136).

Not a soul knew to whom it belonged, he said; and his money and time being both limited, he thought . . . (E. B., p. 52).

Необходимо остановиться на рассмотрении системного эллипсиса субъектно-инфинитивных потенциально-предикативных словосочетаний с нулевым вариантом глагола-связки предикатного компонента. Высказывания о принадлежности таких структур к эллиптическим единичны [22, с. 50]. Словосочетания в этой форме сочетаются главным образом с глаголами to seeh, to appear, близкими к связочным. И некоторые

лингвисты усматривают в соположении *to seem*, *to appear* и эллиптического предикатного компонента этого словосочетания, выраженного большей частью прилагательным или существительным, составное именованное сказуемое.

На формирование такой точки зрения, по-видимому, повлияла прежде всего формальная аналогия контактного положения данных глаголов и прилагательного (или существительного) с составным именованным сказуемым и затем — кажущийся лексический параллелизм глаголов *to seem*, *to appear* и глагола *to be* — стержневого глагола группы связок бытия. Но даже поверхностное рассмотрение лексических значений этих глаголов сразу же вскрывает их принципиальное различие. *To be* утверждает несомненность принадлежности субъекту определенного свойства, тогда как *to seem*, *to appear* выражают сомнение в достоверности признака или состояния.

Функция этих глаголов в предложении также различна. *To be* выполняет роль типичной связки. *To seem*, *to appear*, формально согласуясь с маркированным субъектом, имплицитно вводят еще один субъект (которому «кажется», что маркированный субъект обладает тем или иным признаком, состоянием). Отсюда следует, что в предложении «*She seemed directly insensible*» местоимение *she* связано смысловыми субъектно-предикатными отношениями не с *seemed*, а с *insensible*. А глагол *to seem* сообщает этим отношениям в целом оценку имплицитного субъекта. Именно благодаря способности вводить необозначенный субъект и выражать его мнение *to seem*, *to appear* и входят в число глаголов, сочетающихся с субъектно-инфинитивным словосочетанием. Таким образом, в предложении с этим словосочетанием всегда имеется два логических неидентичных субъекта: субъект, значение которого эксплицитно выражено (он входит в состав словосочетания), и имплицитный субъект, значение которого реализуется упомянутыми глаголами. На этом основании некоторые англисты выделяют *to seem*, *to appear* из группы связок бытия как некоторую разновидность глагола с модальным значением, подчеркивая тем самым не свойственное связкам качество — выражать отношение к действию, состоянию или признаку [23, с. 253].

Принадлежность структур, сочетающихся с *to seem*, *to appear* и с другими глаголами подобного значения, к эллиптическим субъектно-инфинитивным потенциально-предикативным словосочетаниям с нулевой связкой можно установить обратной трансформацией данного словосочетания в придаточное предложение, в результате чего достигается экспликация недостающей связки, и прямой трансформацией придаточного предложения в словосочетание, где личная форма эксплицитированной связки переходит в неличную форму глагола: *She seemed directly insensible* → *It seemed that she was directly insensible* → *She seemed to be directly insensible*. Таким образом, *she... insensible* и *she... to be insensible* представляют собой две парадигматические формы одной синтаксической структуры — эллиптическую и полную. Полная форма (с эксплицитно выраженной связкой) употребляется гораздо реже эллиптической формы. Но если *to seem* получает отрицательное значение, то количественно преобладает полная форма:

I was only going to say that heaven did not seem to be my home... (E. V., p. 94).

В то же время мы не можем отрицать присущей английскому языку тенденции к распространению связочной синтаксической функции на некоторые полнозначные глаголы и исключать вытекающую отсюда возможность развития свойств связки у глаголов *to seem*, *to appear*. По-видимому, в определенных случаях возможно функционирование данных глаголов и в качестве связки в составном именном сказуемом. Это может быть свидетельством развития многомерности парадигматических связей в синтаксической системе английского языка. Но решение этого вопроса требует отдельного исследования, выходящего за пределы задач этой статьи.

Мы предприняли попытку проследить поведение различных эллиптических структур в двух функциональных стилях — в художественно-беллетристическом и научно-техническом.

Функция стиля, как установлено анализом, оказывает существенное влияние на процессы редуцирования структуры английского предложения, в частности

на процесс опущения. Функция воздействия (художественно-беллетристический стиль) и функция сообщения (научно-технический стиль) резко разграничивают употребление эллипсисов не только по их основным конструктивным типам (влияя на употребительность контекстуальных и системных эллипсисов), но и по отдельным структурным разновидностям.

Чтобы определить употребление и соотношение эллиптических предложений в текстах художественно-беллетристического и научно-технического стилей, проведен статистический и сопоставительный структурно-семантический анализ. Эллиптические предложения в двух стилях количественно доведены до репрезентативных величин в соответствии с требованиями математической статистики. Число анализируемых структур средней частотности доведено до 200 единиц, обеспечивающих относительную ошибку примерно $\pm 14\%$, при которой обобщения и выводы исследования получают достаточную объективность.

Состояние функционирования эллиптических предложений в данных стилях имеет следующее количественное выражение в относительных частотах.

ХУДОЖЕСТВЕННО-БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Системные эллипсы

	%
1. Герундиальное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным субъектным компонентом	36,6
2. Определительное придаточное предложение с опущенным союзным словом	13,7
3. Предложение с опущенным подлежащим, выраженным безличным местоимением и глаголом-связкой	13,3
4. Повелительное предложение	9,3
5. Субъектно-инфинитивное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным глаголом-связкой	8
6. Предложение с опущенным there is	5,7
7. Предложение причастное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным глаголом-связкой	5,3
8. Причастное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным глаголом-связкой	3,5
9. Объектно-инфинитивное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным глаголом-связкой	1,9
10. Конструкции с инфинитивом без частицы to	1,7
11. Стоятельные придаточные предложения с союзами when, while, if, as с опущенными подлежащими и вспомогательным глаголом	1

Контекстуальные эллипсисы

	%
1. Предложения с опущенным подлежащим и сказуемым и с эксплицитно выраженными различными второстепенными членами предложения	35,5
2. Предложение с опущенным подлежащим и глаголом-связкой	20,2
3. Предложения с опущенным подлежащим, сказуемым и другими членами предложения и с эксплицитным <i>уез</i> или <i>по</i>	19,7
4. Предложение с опущенным подлежащим	6,7
5. Предложение с опущенным сказуемым	6,1
6. Предложение с опущенным сказуемым и другими второстепенными членами предложения	2,9
7. Предложение с опущенным дополнением	2,2
8. Другие редкие формы эллиптического предложения	6,7

Получение объективных статистических данных о частотности контекстуальных эллипсисов в художественно-беллетристическом стиле весьма затруднено, так как насыщенность этими эллипсисами текстов различных авторов различна. Она зависит от субъективной манеры авторов, главным образом от насыщенности текстов диалогической речью — основным источником контекстуальных эллипсисов.

Соотношение системных и контекстуальных эллипсисов в этом стиле равно 1 : 0,67.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Системные эллипсисы

	%
1. Герундиальное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным субъектным компонентом	70
2. Обстоятельственные придаточные предложения с союзами <i>as</i> , <i>when</i> , <i>if</i> , <i>while</i> с опущенными подлежащим и вспомогательным глаголом	13,7
3. Повелительное предложение	5,9
4. Причастное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным глаголом-связкой	2,6
5. Определительное придаточное предложение с опущенным союзным словом	2
6. Предложное причастное потенциально-предикативное словосочетание с опущенным глаголом-связкой	1,9
7. Субъектно-причастное потенциально-предикативное словосочетание с союзом <i>as</i> с опущенным связочным причастием	1,3
8. Другие эллиптические структуры	2,6

Контекстуальные эллипсисы в научно-техническом стиле отсутствуют (они иногда употребляются только в кратких рекламных текстах).

ЛИТЕРАТУРА

1. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
2. Структурный синтаксис английского языка/Под ред. Л. Л. Иофик. Л., 1972.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
4. Iyish V. The Structure of Modern English. L., 1971.
5. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966.
6. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968.
7. Кобков В. П. Способы выражения повторяющихся смысловых компонентов в структуре предложения в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1965.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
9. Кобков В. П. Замещение, опущение и совмещение как способы сжатия текста без утери информации.— В кн.: В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 5. Новосибирск, 1974.
10. Curme G. English Grammar. The Principles and Practice of English Grammar Applied to Present-Day Usage. N. Y., 1966.
11. House A., Harman S. Descriptive English Grammar. N. Y., 1965.
12. Eienkel E. Der Infinitiv im Mittelenglischen. Anglia, 13, 1891.
13. Onions Ch. An Advanced English Syntax. L.— N. Y., 1932.
14. Hathaway V. A Transformational Syntax. N. Y., 1967.
15. Rosenbaum P. The Grammar of English Predicate Complement Constructions. Cambridge, Mass., 1967.
16. Хорнби А. С. Конструкции и обороты современного английского языка. М., 1958.
17. Хэррис З. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 11. М., 1962.
18. Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов. Л., 1964.
19. Коваленко В. Е. Именные средства выражения предикации. Львов, 1969.
20. Iyish V. The Structure of Modern English. M.— L., 1965.
21. Хлебникова И. Б. Конструкция «объектный падеж с инфинитивом» в английском языке. Канд. дис. Л., 1947.
22. Пумпянский А. Л. Перевод английской научной литературы (грамматика). М., 1961.
23. Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. М., 1956.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В СТАТЬЕ

- E. B.— Brontë E. Wuthering Heights. M., 1963.
J. C.— Conrad J. Lord Jim. M., 1959.
G. G.— Greene G. The Quent American. M., 1968.
B. Sh.— Shaw B. Major Barbara. Four Plays. M., 1952.
F. U.— Urquhart F. Man about House. Stories by Modern English Authors. M., 1961.
O. W.— Wilde O. An Ideal Husband. Leipzig, 1909.

К ВОПРОСУ О РЕКУРРЕНТНОСТИ ОДНОКОМПОНЕНТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из важных тенденций развития современных языков, в частности английского и русского, является тенденция к супрессии, на которую указывал еще О. Есперсен [1]. Следствие этой тенденции — появление в речи большого количества кратких предложений, часто состоящих из одного слова. Эти образования по природе своей неодинаковы: они включают односоставные предложения [2—5], слова-предложения (печленные предложения) [6], различные виды неполных предложений [8—10]. Общим признаком, объединяющим их, является однословность. В дальнейшем будем называть такое предложение однокомпонентным (ОКП), понимая под этим термином минимальное коммуникативное образование, состоящее из одного слова (которое может быть частью аналитической формы) и обладающее основными признаками предложения — предикативностью в плане содержания и интонационной законченностью в плане выражения.

Цель данной статьи — исследование некоторых свойств ОКП, в первую очередь рекуррентности и способности употребляться как готовое предложение. Под рекуррентностью ОКП мы будем понимать частотность употребления конкретных ОКП в тексте [11]. Рекуррентность каждого ОКП в нашей выборке характеризуется показателем рекуррентности (Р), т. е. числом повторений данного ОКП. Что касается понятия готового предложения, то по этому поводу высказывались различные мнения. В частности, в статье Л. А. Леоновой и Э. П. Шубина готовыми предложениями признаются такие, у которых показатель рекуррентности равен единице и которые встречаются более чем у одного автора (так называемый коэффициент общности). Представляется, что этого недостаточно. По нашему мнению, готовое предложение должно быть, во-первых, единицей языка, т. е. существовать на уровне предложения в готовом виде и свободно воспроизводиться в

речи. О воспроизводимости готового предложения мы можем судить на основании его повторяемости, т. е. рекуррентности. Но рекуррентность ОКП в отрыве от других характеристик нельзя считать признаком готового предложения. Во-вторых, не меньшую важность имеет свойство такого ОКП сохранять свое значение в условиях изоляции от контекста или ситуации произнесения, т. е. автосемантичность [12] (в этом случае его значение можно сравнить с инвариантным значением языковой модели). И, наконец, в-третьих, необходима принадлежность его к замкнутому ряду единиц.

Материалом для исследования послужили 19 пьес и 6 романов английских и американских писателей второй половины XX в. Общий объем выборки составил более 6000 примеров. В качестве основного метода исследования применялось структурно-семантическое описание с некоторыми элементами статистического анализа.

В соответствии с нашими задачами, прежде чем приступить к исследованию рекуррентности ОКП, необходимо определить их функциональные типы, так как тождественные в плане выражения ОКП зачастую выполняют различные функции в речи, например:

"What was it?"
 "Parasites" (E. O'B., p. 68).

Hill. I hate royalty more than
 anything in the world.
 Parasites (A. W. C., p. 30).

В первом из этих примеров «Parasites.» — ответное предложение, рекуррентность которого в нашей выборке равна 0; во втором «Parasites.» — это эмоционально-оценочное предложение, имеющее определенный показатель рекуррентности ($P = 6$). В ходе анализа были выделены 14 функциональных типов ОКП. Ниже приводим список функциональных типов ОКП в порядке убывания их частотности в данной выборке.

1. ОКП «Yes.» — «No.» (29,6%). Функциональный тип, представленный двумя ОКП.

2. ОКП ответ — дополнение — уточнение (10,2%):

"How's Pilar's cooking?"
 "Average", Fernando answered
 (E. H., p. 60).

Shaw. Tipped the waiter two
 fivers when we went in.
 Mrs Shaw. Headwaiter
 (D. S., p. 67).

3. Эмотивные ОКП (8,9%): «Oh!», «Agh!», «What!»

4. Повторные ОКП (8,3%):

S a m. Davey — calm down. Steven. Someone has to stay
D a v i d. Calm! Calm, he says behind.
B. K., p. 48). A n d r e w. Behind? (D. S.,
p. 54).

5. Обращения (6,8%): «John!», «Father!», «Darling!»

6. Собственно-вопросительные ОКП (6,5%):
«What?», «When?», «Who?»

7. Формулы социального общения (4,5%): «Hello.»,
«Thanks.», «Good-bye.»

8. ОКП со значением расширенного согласия — несогласия (4,4%): «Certainly.», «Perhaps.», «Never.»

9. Контактостанавливающие ОКП (4,1%): «Eh?»,
«Well?», «Yes?»

10. Несобственно-вопросительные ОКП (3,8%):

S u s a n. Kiss me now. F r e e m a n. He wrote a page.
G r e g o r y Here? (D. R., p. 72). C r a g g e. Quality? (B. R.,
p. 120).

11. Эмоционально-оценочные ОКП (3,2%): «Good.»,
«Nonsense!», «Lovely.»

12. Номинативные ОКП (2,9%): «Silence.», «Sun-
day.», «Summer.»

13. Побудительные ОКП I (2,4%): «Go!», «Stop!»,
«Look.»

14. Побудительные ОКП II (0,7%): «Silence!»,
«Out!»

Так как при выделении функциональных типов ОКП мы не ставили перед собой задачи подробного описания каждого типа с учетом всех его особенностей и в первую очередь нас интересовала проявляемая ими рекуррентность, то иногда разные по своим функциям ОКП оказывались соединенными в один тип или, напротив, сходные по функции ОКП оказывались отнесенными к разным функциональным типам. Особый интерес представляет рекуррентность функционального типа в целом, поскольку на фоне общей низкой (или высокой) рекуррентности большая (или меньшая) рекуррентность какого-либо одного члена данного типа, по-видимому, является атипичной. При рассмотрении причин низкой (или высокой) рекуррентности в рамках функционального типа необходимо учитывать и атипичные случаи, пытаясь найти отличие этих ОКП от

типичных членов функционального типа. Для характеристики рекуррентности разных функциональных типов, взятых в целом, вводится понятие коэффициента k , который вычисляется по формуле $k = N_p/N$, где N_p — общее число повторно встречающихся предложений (после первого их обнаружения в тексте), а N — общее число членов данного функционального типа.

В исследовании было непосредственно рассмотрено 5000 ОКП, 1000 ОКП составили контрольную группу. Результаты исследования приведены в таблице.

Существует мнение [11], что ОКП, или, как их обычно называют, однословные предложения, обладают более высокой рекуррентностью по сравнению с распространенными предложениями. Подсчет k для различных функциональных типов показывает, что распределение рекуррентности внутри корпуса ОКП, неоднородно: существуют функциональные типы с k , рав-

Номер п. п.	Функциональный тип ОКП	k	Удельный вес функционального типа в выборке, %	Число ОКП в функциональном типе	Число рекуррентных ОКП	Число рекуррентных ОКП и их реализаций в функциональном типе (область рекуррентности)
1	Yes — No	1,0	29,6	2	2	1774
2	Собственно-вопросительные	0,98	6,5	8	7	386
3	Контактоустанавливающие	0,92	4,1	19	13	235
4	Эмотивные	0,92	8,9	40	18	496
5	ОКП со значением расширенного согласия — несогласия	0,88	4,4	30	25	246
6	Формулы социального общения	0,86	4,5	36	18	242
7	Побудительные ОКП I	0,71	2,4	40	12	110
8	Эмоционально-оценочные	0,59	3,2	77	21	134
9	Побудительные ОКП II	0,33	0,7	24	5	17
10	Обращение	0,28	6,8	163	13	76
11	Ответ — дополнение — уточнение	0,26	10,2	438	45	203
12	Несобственно-вопросительные	0,26	3,8	166	21	81
13	Повторные	0,24	8,3	348	34	145
14	Номинативные	0,24	2,9	123	8	47

ным 1,0; 0,98; 0,92; 0,88 и т. д., и, кроме того, имеются функциональные типы с k , равным 0,28; 0,26; 0,24. Иными словами, существуют функциональные типы, члены которых постоянно употребляются в речи, и другие, у которых удельный вес повторяющихся ОКП чрезвычайно мал. Рассмотрим сначала ОКП, которые традиционно выделяются как речевые реализации односоставных моделей предложения. Эти ОКП включают обращения, номинативные предложения и побудительные ОКП I. Прежде чем рассматривать их рекуррентность, исследуем, насколько для этих ОКП характерны два остальных свойства готового предложения: автосемантическая и принадлежность к замкнутому ряду единиц, т. е. невозможность порождения произвольного ряда подобных предложений. Условие определенной автономности значения в данном случае выполняется. Действительно, обращения «Andrew!», «Mother!»; номинативные предложения «Silence.», «Darkness.», «London.»; побудительные предложения «Go!», «Come!», «Look.», «Stay» — легко квалифицируются как принадлежащие к определенному функциональному типу. Третье свойство в данном случае отсутствует: ряд речевых реализаций каждой из трех моделей может быть произвольно продлен и ограничен лишь естественными рамками модели:

I. «Andrew!», «Jim!», «Mother!», «Janel!», «Tom!»...

II. «Silence.», «Darkness.», «London.», «Mist.», «Rain»...

III. «Go.», «Come.», «Look.», «Open.», «Do.», «Try»...

Представляется, что если имеется языковая модель, на базе которой можно построить n -ное число речевых реализаций, то большую рекуррентность одной реализации в рамках данной модели (функционального типа) следует объяснять в первую очередь менее специфическим лексическим значением слова, составляющего ОКП. В качестве примера приведем список рекуррентных ОКП в группе побудительных ОКП I в порядке убывания P : «Look.» ($P = 56$); «Hush.» ($P = 8$); «Stop.» ($P = 8$); «Wait.» ($P = 7$); «Go.» ($P = 6$); «Help.» ($P = 5$); «Listen.» ($P = 5$); «Do.» ($P = 4$); «Remember.» ($P = 4$); «Don't.» ($P = 3$); «Sleep.» ($P = 2$); «Try.» ($P = 2$). Нетрудно заметить, что ОКП, влияющим на рекуррентность типа в целом, является «Look.».

нение — уточнение); 0,26 (несобственно-вопросительные ОКП).

Вначале рассмотрим типы, имеющие малую рекуррентность. Характеризуя ОКП этих типов в структурном отношении, следует отметить, что они представляют собой различного рода эллиптические конструкции, синсемантические, связанные различным образом с предыдущим высказыванием или обусловленные ситуацией произнесения:

Steven. Who's the other?
Bill. Beryl (G. C., p. 207).

"You come from?"
"England" (E. O'B., p. 41).

Bill. Sounds absurd.
Jenny. Absurd? (G. C., p. 65).

Jack. Good solid staff from
inside out.

Jenny. Hard? (S. D., p. 158).

Mrs Trevis. Dangerous
staff, that spray. Radioactive
(D. R., p. 92).

"I'm Sheriff of this whole God-
damn county, and I don't
want no boy of ten giving me
that kind of sass".

"Eleven", I said (W. S.,
p. 156).

Очевидно, что в этом случае условие автосемантической не выполняется. Степень предсказуемости таких ОКП, как неоднократно отмечалось, очень мала, поэтому потенциально условий для рекуррентности здесь не существует. Теоретически предсказуемое отсутствие ее в этих функциональных типах подтверждается в нашей выборке. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сфере усеченных речевых реализаций двусоставной модели также нет готовых предложений.

Рассмотрим далее функциональные типы ОКП, показавшие в нашей выборке самую высокую рекуррентность. Это, как уже упоминалось, ОКП «Yes.» — «No.», собственно-вопросительные ОКП, контактоустанавливающие, эмотивные, со значением расширенного согласия — несогласия и формулы социального общения. ОКП, составляющие эти типы, отличаются от только что рассмотренных нами. Во-первых, это отличие проявляется в том, что, изолируя их от окружающего контекста, мы безошибочно определяем функцию, выполняемую в речи данным ОКП. Действительно, ОКП «Yes.» — «No.» легко квалифицируется как согласие (несогласие) с предыдущим высказыванием; ОКП «What?», «Why?», «Who?» сохраняют и без контекста свою функцию запроса информации; «Eh?», «Well?», даже являясь начальной репликой диалога, однозначно

воспринимаются как попытка установления контакта; ОКП «Ah!», «What!», «Augh!», «Oh!» выражают широкий спектр эмоций говорящего: радость, удивление, отвращение, испуг и т. д.; ОКП типа «Certainly.», «Perhaps.», «Never.», имея своей основой выражение согласия или несогласия с предыдущим высказыванием или утвердительного (отрицательного) ответа на вопрос, присоединяют сюда различные модальные оттенки уверенности, неуверенности, возможности, вероятности, эмфазы и т. д. и, наконец, ОКП типа «Hello.», «Thanks.», «Good-bye.» выполняют требования социальных норм общения. Названные ОКП в отношении степени своей автосемантической стоят рядом с такими односоставными предложениями, как «Come.», «Night.», «John.». Но если для односоставных ОКП можно, используя языковую модель, построить произвольный ряд ее речевых реализаций, то для рассматриваемых ОКП этого сделать нельзя. В самом деле, считая, например, «Yes.» — «No.» за модель, основным содержанием которой является выражение положительности (отрицательности) предикативной связи между элементами представляемого предложения, какие другие предложения такой модели может создать говорящий? Очевидно, что других вариантов здесь нет. В некоторых случаях такие варианты имеются, например, у «Good-bye.» («Bye.», «Cheerio.», «Ta-ta.»), «Hello. (Hi!)» и т. п., но эти новые члены ряда не порождаются говорящим, а существуют в готовом виде в качестве общепринятых единиц. Так как для ОКП этих типов выполняются все условия, предъявляемые к готовому предложению, представляется, что здесь речь идет действительно о единицах языка, существующих в сфере языка не в виде модели с последующей реализацией ее в сфере речи, а в готовой форме, т. е. *in toto*. Высокие значения *P* у отдельных членов этих функциональных типов еще более убеждают в том, что перед нами готовые ОКП. Ниже приводим несколько примеров с указанием значений *P*.

- | | |
|--------------------------------------|--|
| Mrs Shaw. He was always wild. | Tiny. There's a big hole in the way. |
| Colin. Yes (P=1007), (D. S., p. 92). | Johnny. What? (P=204), (D. R., p. 87). |
| Geoff. Shall I put the light on? | Mrs Harker. Mr Bland. |
| Jo. No (P=767), S. D., p. 46). | You're home, are you? |

George. Hello (P=60),
(D. H., p. 37).

Adam. I don't think you're
capable of love, are you? Eh?
(P=64), (A. W., p. 182).

"That doesn't answer my ques-
tion".

"Oh" (P=214), (B. R., p. 88).
Hill. Well, you can be killed.
There! Does that bring it ho-
me to you? (P=36),
(A. W. C., p. 54).

Что касается эмоционально-оценочных ОКП и побудительных ОКП II, то они занимают промежуточное положение среди других типов.

Подводя итоги, можно сказать, что рекуррентность сама по себе является обязательным, но не единственным условием существования готового предложения. В ряде случаев наличие рекуррентности, как мы пытались показать, было вызвано только спецификой лексического значения слова, входящего в ОКП. Готовые предложения должны обладать, по крайней мере, тремя свойствами: 1) рекуррентностью; 2) автосемантичностью; 3) невозможностью порождения произвольного ряда подобных предложений. Предложения, имеющие все три свойства, составляют 58% всего корпуса ОКП. Остальные 42% — это ОКП, являющиеся либо речевыми реализациями односоставных моделей (12,1% всего корпуса), либо эллиптическими речевыми вариантами двусоставной модели (22,3%). Таким образом, можно говорить о том, что больше половины функционирующих в речи ОКП принадлежит к готовым языковым единицам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
2. Мухин А. М. Структура предложений и их модели. М., 1967.
3. Грамматика русского языка АН СССР. Т. 2. Ч. I. М., 1960.
4. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. (Опыт типологии). — В кн.: Русский язык (грамматические исследования). М., 1967.
5. Папина А. Ф. К вопросу об односоставных и двусоставных предложениях в системе русского языка. Исследования по русскому языку. Вып. 3. Днепропетровск, 1973.
6. Бабайцева В. Ф. Слова-предложения в современном русском языке. — Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1962, т. 42.
7. Киприянов В. Д. Комуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке. — ИДВШ, ФН, 1975, № 3.
8. Юхт В. Л. Некоторые вопросы теории неполных предложений. — ИДВШ, ФН, 1962, № 2.
9. Ежов В. А. О структуре ответных реплик английского диалога. — Учен. зап. Сverdлов. пед. ин-та, сб. 193, 1974.

10. Чувакин А. А. О структурной классификации неполных предложений.— НДВШ, ФН, 1974, № 5.
11. Леонова Л. А., Шубин Э. П. Готовые предложения в современном английском бытовом диалоге.— Иностр. языки в школе, 1970, № 5.
12. Гулыга Т. В. Автосемантия и синсемантия как признак смысловой структуры слова.— НДВШ, ФН, 1967, № 2.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В СТАТЬЕ

- E. O'B.— O'Brien Edna. August is the Wicked Month, Penguin books, 1967.
- A. W. C.— Wesker Arnold. Chips with Everything, Penguin Plays, 1973.
- E. H.— Hemingway E. For Whom the Bell Tells, Penguin Books, 1967.
- D. S.— Storey D. In Celebration, Penguin Plays, 1970.
- D. R.— Rudkin D. Happy Family, Penguin Plays, 1970.
- B. R.— Reckord B. The Skyvers, Penguin Plays, 1966.
- H. P.— Pinter H. The Caretaker, Eyre Methuen LTD, 1968.
- G. C.— Cooper G. Everything in the Garden, Penguin Plays, 1973.
- D. R.— Rudkin D. Afore Night Come, Penguin Plays, 1973.
- W. S.— Saroyan W. Selected Short Stories, Progress Publishers, 1975.
- S. D.— Delancy S. A Taste of Honey, Eyre Methuen LTD, 1968.
- D. H.— Howarth D. A. Lily in Little India, Penguin Plays, 1972.
- A. W.— Wesker A. The Four Seasons, Penguin Plays, 1973.
- B. K.— Kops B. The Hamlet of Stepney Green, Penguin Plays, 1973.

П. В. ПАК

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ РЕПРЕЗЕНТАНТА WOULD В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс репрезентации как синтаксическое явление еще недостаточно изучен во всем многообразии структурно-семантических вариантов. Об этом свидетельствуют появившиеся в последние годы работы, посвященные вопросу репрезентации [1—3]. Не выработаны научно обоснованные критерии разграничения замещения и репрезентации. Наблюдается различный подход к этому вопросу у разных авторов. Так, Г. Г. Почеп-

цов частицу *not* относит к словам-заместителям [4], а Г. Т. Рево рассматривает *not* как репрезентант [5]. Дальнейшего изучения требует вопрос о характере взаимодействия между структурными и семантическими признаками в процессе репрезентации.

Данная статья посвящена характеристике структурно-семантических особенностей репрезентанта *would* и поля репрезентации. В процессе репрезентации антецедент и репрезентант вступают в определенные семантико-синтаксические связи. Эти связи могут возникнуть и существовать в условиях речевых единств — диалогических и монологических. Речевые единства обусловлены семантико-синтаксическим единством конструкций антецедента и репрезентанта.

Вслед за В. Н. Малышевым мы принимаем определение поля репрезентации как сферы взаимодействия и сорасположения антецедента и репрезентанта [3]. В пределах поля репрезентации функционирует и приобретает коммуникативную значимость редуцированное предложение с репрезентантом.

В плане структурных типов семантико-синтаксические связи между антецедентом и репрезентантом нами квалифицируются как парадигматические и синтагматические (термины заимствованы у Л. С. Бархударова). «Под парадигматической связью имеется в виду связь между словами языковых единиц, однотипных по структуре или объединенных наличием каких-либо общих элементов. Синтагматическая связь — это связь между языковыми единицами в строе связной речи, опирающаяся на протяженность и смежность языковых элементов» [6].

Соотнесенность конструкций антецедента и репрезентанта по парадигматическим признакам предусматривает наличие глагола *would* как общего элемента в обеих конструкциях. *Would* или другой глагол этой группы функционирует в качестве служебной части в структуре сказуемого в предложении с антецедентом. Синтагматическая связь характеризуется отсутствием глагола *would* как общего структурного элемента в составе сказуемого в предложении с антецедентом.

Парадигматическая и синтагматическая связи между антецедентом и репрезентантом в процессе репрезентации актуализуются анафорической импликацией от-

существующей части сказуемого предложения с антецедентом.

В. Г. Гак считает, что при анализе грамматической категории наиболее целесообразно исходить из ее полифункциональности [7]. Мы придерживаемся этой точки зрения при анализе функций репрезентанта *would*. Глагол *would* в процессе репрезентации выполняет одновременно несколько функций: доминантную — репрезентативную и сопутствующие: выражение модальности, сослагательного наклонения, зависимого будущего времени, что характеризует полифункциональную сущность репрезентанта. Релевантным признаком для репрезентативной функции является ее актуализация независимо от контекста и окружения. Сопутствующие функции актуализуются в зависимости от лексико-грамматического окружения.

Парадигматическая связь реализуется, когда конструкция антецедента представляет собой предложение со сказуемым в сослагательном наклонении, где выражено действие как предполагаемое, возможное, желаемое и т. д. и в этом смысле противопоставляемое фактам реальной действительности.

Примеры, приводимые ниже, взяты из произведений английских, американских и австралийских писателей XIX, XX вв.:

"You wouldn't enjoy the visit". "I think I would", she replied (M. Wilson).

"You would have been screwed in jail, Bate, if I had not kept your money". "I knew I would my dear" (W. M. Thackeray).

I'd kill a man who got round me and didn't respect me, really I would (J. Lindsay).

Анализ примеров показал, что сказуемое, выражающее предполагаемое или желаемое действие, встречается в простом и сложноподчиненном предложениях (кроме придаточного условного). Сказуемое, сообщающее возможное действие, характерно для главной части сложноподчиненного предложения с придаточным условным.

Синтагматическая связь осуществляется в следующих случаях:

1) если конструкция антецедента входит в состав предложения императивного типа:

"Oh, Kit, don't talk like that". "I would indeed mother" (Ch. Dickens);

2) когда репрезентант употребляется в сослагательном наклонении, выражающем предполагаемое, желаемое или возможное действие, а сказуемое предложения с antecedентом передает реальное действие:

She manages the house beautifully, much better than any stranger would (G. Eliot).

"I reckon we'll go and see for ourselves". "I wish you would" (Mark Twain).

If I knew enough to pretend, I would (B. Tarkington);

3) если редуцированным является придаточное дополнительное предложение, где репрезентант *would* употребляется в значении зависимого будущего времени:

Well, my dear Copperfield, when I am one, I shall tell the story, as I said I would (Ch. Dickens).

Авторы теоретического курса грамматики современного английского языка считают, что основной сферой употребления зависимого будущего времени является сложноподчиненное предложение [8]. В нашем материале встречаются случаи употребления репрезентанта в значении зависимого будущего и в сложноподчиненном предложении при определенных условиях, т. е. конструкция репрезентанта может быть распространенной, включая в себя элемент со значением будущего времени, а сказуемое предшествующего предложения всегда выражено в форме прошедшего времени:

But these people didn't understand, and they never would (R. Carson).

Как видно, правило согласования времен с зависимым будущим распространяется и на сложносочиненное предложение при определенных условиях;

4) когда конструкции с репрезентантом составляют устойчивые синтаксические образования, регулярно воспроизводимые в речи как готовые языковые единицы и не допускающие включения в свой состав дополнительных компонентов.

Нами выделены 4 структурные модели устойчивого типа.

а) As + подлежащее + would:

But let the conflict go on as it would (Ch. Dickens).

б) If + подлежащее + would:

You never seem able to see that he can't set things right even if he would (E. L. Voynich).

в) Смысловой глагол + what/where + подлежащее + would:

Do what he would, a smile would come into Mr Pickwick's face (Ch. Dickens).

She just let me take her by the hand and lead her where I would (R. Marsh).

г) Подлежащее + would + (rather) + (that):

"I would rather you did not mention it to them", said Harry (Ch. Dickens).

Из сопутствующих функций наиболее существенной является реализация модального значения репрезентанта в определенном контексте. То обстоятельство, что семантическая структура репрезентанта, состоящая из значений модальности и смыслового глагола, шире, чем подобная структура нерепрезентанта (под термином «нерепрезентант» понимается глагол *would* как служебная часть в структуре сказуемого), делает репрезентант семантически более насыщенным и экспрессивным. Такая семантическая компрессия репрезентанта придает редуцированному предложению смысловую завершенность. Оказывается, также шире и круг модальных значений репрезентанта, обусловленных различными наклонениями и типами предложений в сфере взаимодействия между антецедентом и репрезентантом. Так, значения «согласие», «подтверждение», нехарактерные для нерепрезентанта, регулярно реализуются в процессе репрезентации.

Ниже приводятся модальные значения, реализуемые в процессе репрезентации.

1. **Согласие выполнить действие.** Данное значение репрезентанта реализуется в контексте, где конструкция антецедента представляет собой предложение императивного типа и соотносена с конструкцией репрезентанта синтагматической связью. Эта конструкция репрезентанта, входящая в состав сложноподчиненного предложения в качестве придаточного дополнительного, наряду с модальным значением реализует значение зависимого будущего времени. Предложение импера-

тивного типа, включающее антецедент, представлено прямой речью:

"Ask your father", was Haran's response, and Martha said sharply that she would (B. Tarkington).

Предложение императивного типа, содержащее антецедент, может выражать пожелание в косвенной речи:

Mr Smeeth said somebody had better take it (money), and I said I would (J. B. Priestley).

Модальное значение «согласие» может передаваться не только утвердительной формой репрезентанта, но и вопросительной. При этом не слушающий выражает свое согласие, а сам говорящий как бы призывает его согласиться на выполнение действия или просьбы, содержащейся в высказывании. В этом случае вопросительная форма редуцированного предложения с репрезентантом реализует модальное значение с оттенком вежливости:

Camp in a bog, would you? (R. L. Stevenson)

2. Намерение выполнить действие:

а) репрезентант, передающий это значение, соотносен синтагматической связью с антецедентом в предложении императивного типа. Подлежащее предложения с репрезентантом выражено личным местоимением первого лица. Глаголы в обоих предложениях имеют противоположные знаки. В модальном плане намерение слушающего противопоставлено воле говорящего. Наличие модального слова усиливает модальность репрезентанта:

"Oh, Kit, don't talk like that". "I would, indeed" (Ch. Dickens);

б) конструкции антецедента и репрезентанта, относящиеся к высказыванию говорящего, представляют собой семантико-синтаксическое единство монологической речи, где модальное значение репрезентанта характеризует отношение говорящего к высказанному им действию. В коммуникативном плане все содержание высказывания имеет целью предупредить слушающего о намерении говорящего, поэтому не требует реплики-реакции. Репрезентант соотносен парадигматической

связью с антецедентом в предложении повествовательного типа:

You wouldn't take that, and I wouldn't (Mark Twain).

3. Желание (или отсутствие желания) выполнить действие. Данное модальное значение репрезентанта реализуется в контексте, характеризуемом следующими грамматическими признаками:

а) конструкции антецедента и репрезентанта относятся к высказыванию говорящего. Редуцированное предложение с репрезентантом является дополнительным придаточным предложением, которое вводится глаголом *wish*. Модальное значение репрезентанта передает желание говорящего. Конструкция антецедента представлена предложением императивного типа:

Jude — don't talk about me — I wish you wouldn't (T. Hardy);

б) предложение с антецедентом является повествовательным. Модальное значение репрезентанта выражает желание слушающего:

"I reckon we'll go and see for ourselves". "I wish you would" (Mark Twain).

При парадигматической связи репрезентант дублирует модальное значение служебной части сказуемого в предложении с антецедентом:

"Of course I'd like to have a baby", Stephanie said. "Most women would" (A. Sarton);

в) модальное значение глагола *would* в составе сказуемого в повествовательном предложении с антецедентом передается репрезентантом в вопросе, адресованном говорящему. Слушающий вопросом просит уточнить высказывание говорящего:

"I'd like to get started on my own research". "Would you now? Have you any ideas?" (M. Wilson).

Обе конструкции, включающие антецедент и репрезентант, могут быть оформлены в вопросительной форме, коммуникативным назначением которой является взаимное выяснение желаний говорящего и слушающего:

"Would you want to stop somewhere for a drink?" "Would you?" (M. Wilson);

г) *would* в отрицательной форме в функции репрезентанта реализует в реплике-реакции слушающего модальное значение «отсутствие желания выполнить действие», которое противопоставляется модальному значению, передаваемому глаголом *would* в составе сказуемого в предложении с антецедентом. Для конструкции репрезентанта характерно употребление личного местоимения первого лица:

"I'd rather have you love me". "I wouldn't" (R. Carson).

Репрезентант в отрицательной форме с личным местоимением третьего лица в реплике-реакции слушающего приобретает модальное значение отказа выполнить действие:

The Doctor cried stop, but Pen would not (W. M. Thackeray).

Репрезентант в отрицательной форме в модальном плане выражает также сопротивление субъекта внутреннему побуждению к действию. Антецедент и репрезентант, представляющие собой высказывание говорящего, употребляются с личными местоимениями первого или третьего лица:

I felt that something wanted me to look round, and I wouldn't (J. G. Ervine).

He wanted to cry, but he would not (A. Bennett).

4. Возможность действия. Модальность репрезентанта *would* обусловлена следующими грамматическими признаками.

Конструкции антецедента могут быть представлены предложениями в повелительном, изъявительном, сослагательном наклонении, в повествовательной и вопросительной форме. Конструкция репрезентанта составляет главную часть сложноподчиненного предложения с придаточным условным:

"Have him, Bill", said Nancy. "I would if I was in your place" (Ch. Dickens).

Антецедент и репрезентант выполняют одну коммуникативную функцию передачи содержания высказывания говорящего. Местоимение *that* в конструкции репрезентанта замещает придаточное условное:

It would't surprise me if mother were in debt all the time, that it wouldn't (Arnold Weska).

Предложение с антецедентом выражено в изъявительном наклонении, при этом время сказуемого не обусловлено грамматическими признаками репрезентации, а определяется объективными факторами действительности:

"He can't alter that". "He would if he could" (Ch. Dickens).
Poor father. He's financed me before. I suppose he would again if I had the heart to ask him (B. Tarkington).

Конструкция репрезентанта как реплика-реакция слушающего является ответом на вопрос, представленный конструкцией антецедента в высказывании говорящего:

Mrs. Yeo. Don't Bulgin give you anything?
Mrs. Bulgin. Would if he could (J. Galsworthy).

Антецедент и репрезентант объединены в одном сложноподчиненном предложении, где конструкция антецедента представлена придаточным условным, а конструкция репрезентанта — главным предложением:

If I could help you, I would, but I have not the power (Ch. Dickens).

5. **Предположение.** Данное модальное значение репрезентанта реализуется в контексте, характеризуемом такими грамматическими признаками:

а) конструкции антецедента и репрезентанта, относящиеся к высказыванию говорящего, соотносены парадигматической связью. Модальное значение служебной части сказуемого в предложении с антецедентом и репрезентанта совпадает:

You see you'd not only be doing all the housework, but you'd be paying more of the expenses than I would (B. Tarkington);

б) конструкция репрезентанта представляет собой сравнительное предложение также с союзом *as*:

I would have killed him as I would a rat (A. Ridley);

в) репрезентант может служить средством уточнения достоверности предполагаемого действия, выраженного антецедентом. В этом случае он расположен в присоединенной вопросительной части. Конструкции

антецедента и репрезентанта соотносены парадигматической связью:

It would hurt your pride, would it, to have 'em know? (T. Dreiser)

6. Подтверждение. Модальность репрезентанта манифестируется как подтверждение ранее названного действия. Для контекста, реализующего это значение, характерны следующие грамматические признаки:

а) в высказывании говорящего, содержащем конструкцию антецедента, глаголом *would* выражено предполагаемое действие, которое подтверждается репрезентантом в реплике-реакции слушающего. Глагол *would* в обоих предложениях имеет одинаковые формы как инвариантный признак, так как при разноименных знаках значение «подтверждение» заменилось бы значением «отрицание»:

"You'd have robbed him, most probably", I answered. "Of course, I would", he cried angrily (J. London);

б) конструкция репрезентанта является придаточным дополнительным сложноподчиненного предложения:

"You want a great deal of money for that, Gilbert". "I suppose I would" (St. John);

в) конструкции антецедента и репрезентанта представляют собой высказывание говорящего и имеют одну коммуникативную цель, т. е. говорящий подтверждает собственное высказывание:

And then these words would be final. They would. They would (T. Dreiser);

г) конструкция репрезентанта употребляется как присоединенная к предложению с антецедентом вопросительная часть и служит средством подтверждения действия, выраженного антецедентом. Подлежащие в обоих предложениях представлены одним лицом. Глагол *would* в конструкциях обозначен противоположными знаками:

I wouldn't shake my nigger, would I — the only nigger I had in the world. The only property (Mark Twain).

7. Уверенность. Это значение выражает уверенность говорящего в том, что действие будет выполнено. Реа-

лизация модального значения обусловлена определенными грамматическими признаками: конструкция репрезентанта входит в состав сложноподчиненного предложения в качестве придаточного дополнительного, где репрезентант *would* одновременно выполняет функцию зависимого будущего времени:

He came back to me. I knew he would (W. M. Thackeray).

Значение зависимого будущего времени репрезентанта эксплицируется одновременно и другими временными формами в данной конструкции:

She must believe — she would believe him utterly. She would and did (T. Dreiser).

В устойчивых синтаксических образованиях, регулярно воспроизводимых в речи в виде готовых языковых единиц, не допускающих включения в свой состав дополнительных компонентов, репрезентант реализует модальные значения в зависимости от типов структурных моделей.

Репрезентант в структурной модели типа «*so + + would + подлежащее*» выражает возможность повторения действия другим лицом. Конструкции антецедента и репрезентанта соотнесены парадигматической связью. *Would* в обеих конструкциях имеет всегда одинаковые формы:

If I can possibly fall out of this financial scrape that I am in I will do so of course, I would like to have your consent for that — so would Aileen (T. Dreiser).

Репрезентант в конструкции типа «*if + подлежащее + would*» характеризуется большим объемом семантического наполнения и приобретает значение глаголов *want, like*. Синтаксически такая конструкция относительно независима и выделяется запятыми. В плане содержания конструкция несет в себе дополнительную информацию:

There's one other thing I would like you to do for me in the meantime, if you would (J. Aldridge).

В структурной модели типа «*V + what/where + + подлежащее + would*» *would* употребляется в значениях глаголов *want, wish* и функционирует в двух вариантах:

а) смысловой глагол конструкции имеет повелительную форму. Синтаксически конструкция независима и выделяется запятыми:

It was of no use raging. I could not undo that. Say what I would, I could not unsay it (Ch. Dickens);

б) смысловой глагол входит в состав повествовательного предложения, и конструкция как составная часть предложения выполняет функцию дополнения или обстоятельства:

In a word I was at liberty to do what I would for three weeks or a month (Ch. Dickens).

I might have led that old man whither I would (W. M. Thackeray).

Структурная модель типа «as + подлежащее + would» употребляется в двух вариантах:

а) в конструкции с предшествующим смысловым глаголом would реализует значения модальных глаголов could, might. Синтаксически конструкция независима и выделяется запятыми. Она включает в предложение дополнительную информацию:

The man struggled violently to release his arms, but those of the girl were clasped round his, and tear as he would, he could not tear them away (Ch. Dickens);

б) в конструкции без предшествующего смыслового глагола репрезентант would реализует значение глагола do. Синтаксически конструкция независима и выделяется запятыми:

At his command I open my lips and follow him to our humble home, as I would, through the world (W. M. Thackeray).

Would в модели «подлежащее + would + (rather)» сохранил значение «желать» и как смысловой глагол вводит придаточное дополнительное предложение. Это свидетельствует об отсутствии синтаксической функции репрезентанта у глагола would в данной модели:

“And you think I ought to marry?” “Sooner or later every man ought”. “But you’d rather it were later” (D. H. Lawrence).

“Tess, you wonder why I have followed you?” “I do, rather, and I would that you had not, with all my heart” (T. Hardy).

Рассмотрев структурно-семантические признаки репрезентанта would в современном английском языке, можно сделать следующие выводы.

1. В процессе репрезентации антецедент и репрезентант вступают в определенные семантико-синтаксические связи, квалифицируемые как парадигматические и синтагматические. Они могут возникнуть и существовать в условиях речевых единств.

2. Семантическая структура репрезентанта, состоящая из значений модальности и смыслового глагола, шире, чем подобная структура нерепрезентанта. Репрезентант по смыслу экспрессивен. Соответственно шире и круг модальных значений репрезентанта. Значения «согласие», «подтверждение», нехарактерные для нерепрезентанта, регулярно реализуются репрезентантом. Модальные значения репрезентанта обусловлены различными наклонениями и различными типами предложений в сфере взаимодействия между антецедентом и репрезентантом.

3. Глагол *would* в процессе репрезентации реализует одновременно несколько функций: доминантную — репрезентативную и сопутствующие — выражение модальности, сослагательного наклонения и зависимого будущего времени.

4. Репрезентант *would* в некоторых устойчивых синтаксических образованиях может функционировать как самостоятельный глагол с собственным лексическим значением «желать».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришкун Ф. С. Глагол *do* и проблема разграничения замещения и репрезентации.— В кн.: Теоретические вопросы английской филологии. Горький, 1974.
2. Зайцева Т. В. Субституция, замещение, репрезентация.— В кн.: Система взаимосвязи компонентов предложения. Вып. 146. Ярославль, 1976.
3. Малышев В. Н. Синтаксический процесс репрезентации и репрезентант *to* в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Киев, 1972.
4. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
5. Рево Г. Т. Об одной функции частицы *not* и др.— В кн.: В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 10. Новосибирск, 1979.
6. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М., Высшая школа, 1966.
7. Гак В. Г. О грамматическом значении и его объяснении.— Иностр. языки в школе, 1974, № 6.
8. Жигадло В. Н., Иванова И. П. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М., 1956.

О СОЧИНЕНИИ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Однородные придаточные предложения (ПП) рассматривались в работах советских англистов Л. Л. Иофик, Е. С. Голенко, В. Б. Новорусской, О. В. Успенской, А. Г. Поспеловой, Б. В. Козловской, базирующихся на традиционной синтаксической классификации ПП. Однако осталось еще много вопросов, заслуживающих внимания. Мы делим все ПП на именные, изъяснительные, адъективные и адвербиальные. Первые вводятся союзными местоимениями *what, who, which*, и наречиями *when, where, how, why*, вторые асемантическим союзом *that*, чередующимся с нулем. Функции именных и изъяснительных ПП в основном совпадают. Адъективные ПП вводятся относительными словами или не имеют коннектора, включают в свою структуру антецедент и служат обычно его определением, адвербиальные вводятся семантическими союзами и выполняют в основном обстоятельственные функции [1].

Мы исследовали сочинительные связи на 652 примерах при сплошной выборке 3345 страниц художественной, публицистической и научной англоязычной литературы. Сочинительные ряды составили приблизительно 1% общего числа ПП, т. е. один ряд на каждые 5, 3 страницы (такой же процент приводит Е. Эдгрэн [2, с. 153]). Эти ряды можно разделить на такие, в которых объединяются только ПП, и такие, в которых рядом с ПП употребляются непридаточные предложения (ПП̄). С другой стороны, можно противопоставить связи между однородными и неоднородными членами предложения. Перекрещивающиеся деления дают четыре разбиения, которые целесообразно рассмотреть в трех разделах: однородные ПП, однородные ПП и ПП̄, ПП̄ и ПП̄̄ в сочинительных рядах неоднородных членов предложения.

1. **Однородные ПП.** Наши наблюдения показали, что нет категорических запретов на сочинение соподчиненных ПП. Но существуют статистические преференции, которые находят функциональное, конструктивное или иное объяснение. В полном соответствии с законом частотности числительных в тексте [3] употребитель-

ность сложноподчиненных предложений (СПП) с однородными ПП убывает с возрастанием количества единиц в ряду. В нашей выборке мы получили 89,7% СПП с двумя однородными ПП, 8,64% с тремя, 1,2% с четырьмя, 0,3% с пятью и по одному примеру с бóльшим количеством ПП. В бинарных сочинительных рядах наиболее частотным является союз *and* (59,6%), затем бессоюзная связь (20,9%), потом союзы *or* (9,7%) и *but* (8%). Значительно реже встречаются союзы *both — and*, *(n)either — (n)or*, *not only — but(also)*, *rather — than* и др. Однородные ПП могут также связываться модальными словами и другими вводными единицами:

Even during the war I didn't feel it, **perhaps**, because we were so far away from it, **perhaps** because war was being fought to stop that... (McHugh).

Обращает на себя внимание большой процент разделительных союзов для связи *whether* ПП (58,3%) и противительных для связи причинных ПП (28,5%):

You can bet **whether** Mr. B. will die before Christmas **or whether** Mrs. C. will live to be a hundred (Christie). One should not become an artist **because** he can, **but because** he must (Stone).

Это связано с использованием первых в ситуациях, в которых описывается выбор, а вторых в контекстах с аргументацией от противного. Кроме того, в отрицательных главных предложениях (ГП) с последующим *because* ПП отрицание может быть двузначным: оно может передавать отрицательное содержание ГП или отрицание причинной связи между ГП и ПП. Два однородных ПП, связанных противительной зависимостью, снимают амбивалентность в пользу второго значения:

I will not die of hunger because the white man will not give me food. The Chiricahuas are not beggars (Arnold).

...Sister George was not killed because she was hated, but because she was loved (Marcus).

В трехчленных сочинительных рядах распространены три набора средств связи: нуль — *and* (35,5%), *and — and* (28,8%) и нуль — нуль (26,6%). Первый набор характерен для изъяснительных ПП, в которых важно обозначить конец перечисления.

Было замечено, что *and* может связывать идентичные однородные члены, *or* — различающиеся только в одном отношении, *but* — в двух либо с разными пред-

катами [4, с. 378; 5, с. 266]. В сочинительных противительных рядах ПП различие по одной линии встречается только в придаточных изъяснительных, которые равноценны самостоятельным высказываниям в косвенной речи, и в адъективных ПП, поскольку они служат аналитическими прилагательными-определениями:

I go protesting **that** of course it's nonsense, **but that** it will interest you (Christie).

...I should never propose to see the writer, who had long been estranged from all intercourse with the world, **but who** would see a confidential agent... (Dickens).

При двух аспектах различия первый обычно представляет собой пропозициональное содержание ПП, а второй либо модальный план ПП, либо отрицание, выраженное вне ПП или внутри его:

Quickly the waitress returns, bearing **what** is apparently a model of the tower of Babel, **but what** is really a pile of plates and flat tin dish-covers (Dickens).

The queer thing to me was — **not that** she believed that she had been burned, **but that** her arm actually was burned (Christie);
...all that was... the plantation in South Carolina **which** was settled on Isabel **but for which** a purchaser could not be found (Maugham).

Два аспекта различия могут вычленяться в самом пропозициональном содержании ПП:

He was the kind of man with whom one would have hesitated to pass a **lonely evening** **but** with whom one might cheerfully have **looked forward** to spending six months (Maugham).

Части ПП, участвующие в контрастах, рематичны. Если ПП различаются только в одном аспекте, например только по пропозициональному содержанию, они противопоставляются не с помощью противительных союзов, а иными способами — обычно с помощью отрицания:

...the issue should be **who** was the best for the job **and not how** Robin would feel (Susann).

Частотность основных типов ПП в сочинительных рядах неодинакова: изъяснительные ПП — 41,9%, именные — 22,3, адъективные — 20,8, адвербиальные — 15%. Изъяснительные ПП наиболее употребительны, так как с их помощью образуется косвенная речь. Среди наименее частотных адвербиальных ПП имеются ограничения в употребительности, накладывающие-

ся на отдельные разряды. Придаточные места и времени, обозначающие позицию (коннекторы *where, when, while, whenever*), частотнее (94,6%), чем локальные и темпоральные ПП векторного характера, передающие направление, предшествование, следование, предел (коннекторы *from where, where, after, before, since, till, as soon as* и др.), так как для окончательного установления типа вектора достаточно и одного обозначения. Несколько чаще встречаются *as long as* ПП и *now that* ПП, которые сочетают векторные обозначения предела с семьей длительности и нередко со значениями причины и условия:

As long as you tell me that, as long as I may be with you, I am content (Helt).

В СПП, связанных с передачей причинно-следственных отношений, ряды однородных ПП больше распространены среди разрядов, в которых ПП мотивирует содержание ГП: 6,5% причинных ПП, 1,7% условных, 1,4% уступительных, 3,3% обобщающих; в то время как среди ПП, которые сами мотивируются содержанием ГП, этот процент ниже: следственные ПП — 0,4%; целевые — 0,8, исключаяющие (с союзом *except that*) — 0,8, ограничительные — 0%. Зато в последних четырех разрядах чаще одно ПП обслуживает несколько однородных ГП. Приведем примеры нескольких однородных обобщающих ПП к одному ГП и нескольких однородных ГП к одному ограничительному ПП:

...however hard he was working, whatever was happening, he never forgot me... (Holt).

You couldn't have said that — you couldn't have felt way — unless you were innocent (Christie).

Почти не встречаются однородные ряды *whereas* ПП, *while* ПП и других придаточных, передающих контраст, тогда как *as* ПП со значением гармонии распространены:

Not another soul passed by as he pressed my body into the stack, as he made a deep nest for me... (Spark).

Среди сравнительных ПП чаще встречаются гипотетические и экспликативные; гармонические же (союзы *as, like, the way*) и особенно контрастные (союз *than*) сравнения с однородными ПП почти не употребляются:

It was a straggling dingy little place that looked somehow as if hat been dropped there, as if a dozen streets or so from some dreary district in a city had been plucked out and suddenly planted there, and not at all as if it had ever grown (Priestley).

The more you cry and struggle, the more deeply you breathe, the more air you exhaust (McCloy).

В гармонически-сравнительных и контрастно-сравнительных СПП распространены ГП с рядами однородных членов предложения, включающих корреляты:

Never had I felt so well, so overladen with vitality and mere animal spirits, as I did on the afternoon of the third of April (Kipling).

...that chap was taller and stronger and better looking and better-dressed and altogether more important than he was... (Priestley).

Однородные ПП имеют тенденцию к структурному и смысловому параллелизму. Отметим в первую очередь повтор коннекторов в придаточных одного ряда. В изъяснительных и адвербиальных ПП, которые вводятся союзами, этот повтор — обычное явление [6, с. 3], но он характерен также для именного (61,4%) и адъективного (87,7%) типов, в которых выбор коннектора обусловлен его ролью в структуре ПП и семантикой антецедента, например:

A man is made of his blood, which he got from his father, which his father got from his father — which each man gives to his son, and which his son gives to his son (Arnold).

Параллелизм проявляется в сходных аранжировках конструкций внутри однородных ПП и в лексическом наполнении:

...whatever had once been pure in him, whatever had once been generous, whatever had once been of noble aspiration, was now unpure, and ungenerous, and ignoble (Caine).

Эффект параллелизма достигается «малыми силами», когда повторяется редкочастотное и стилистически выдвинутое слово:

To be informed what the Galaxy Gallery of British Beauty is about and means to be about, and what Galaxy marriages are on the tapis and what Galaxy rumours are in circulation, is to become acquainted with the most glorious destinies of mankind (Dickens).

Для именных ПП характерно аналогическое лексическое наполнение с вариацией союзных слов, на пример:

...you will kindly tell me what has happened, when it happened, how it happened... (Conan Doyle).

Есть и свернутые варианты ПП:

If he be ever asked how, why, when, or wherefore, he shuts up one eye... (Dickens).

В изъяснительных ПП, служащих для передачи событий от третьего лица, на первый план выступают коммуникативно-ситуационные требования; свойственный однородным ПП параллелизм проявляется слабее, чем в других типах. Нередко имеет место смешение прямой и косвенной речи, включение в текст несобственной прямой речи, что приводит к разрушению структуры СПП:

Mrs. Tuckerton said she was sure that that wasn't true and wouldn't I like to have tea first... (Christie).

Оформление второго и последующего однородных ПП связано с двумя противоположными тенденциями: экономия языковых средств с недостаточным оформлением ПП и излишнее оформление связи с привлечением структурно необоснованного повтора. Первая тенденция проявляется в неупотреблении второго и последующего коннекторов:

Mercy, remember if owt goes wrong with a girl, and her mother is under the grass, her father is the first she should come to... (Caine).

Коннектор легко осознается из предыдущего ПП [7, с. 469—470]. В этих случаях вполне возможно оценить предложение как придаточное сложносочиненное.

Неупотребление коннектора в противоположность употреблению в одном и том же ряду служит для группировки ПП внутри ряда:

He died in the burrow as you will die, and I will die, and as all these men and women and one child will also die (Kipling).

Обычно опускаются части коннекторов и лексемы в составе ПП, если они ясны из предыдущего ПП:

...I've got to know, even if he tell you he's had it with me — or if he winds up with that girl... (Susann).

I never... used to be sure when he was being serious or when he wasn't (Osborne).

Иногда, наоборот, эллипсис предшествующего однородного III восполняется в последующем и антиципация появления необходимых компонентов конструкции создает напряжение, служащее средством выдвигания:

This was taken be an example of British understatement by everyone who had seen, and who had not yet seen Annabel's third film (Spark).

Противоположная тенденция к излишней оформленности объясняется сложностью и линейной протяженностью такой единицы, как СПИ. Однако уменьшение линейной протяженности речевого отрезка и сокращение времени на его произнесение не всегда приводит к экономии в коммуникативном акте. Сократив время на произнесение, мы можем потерять в ясности изложения, что вызовет переспросы, уточнения и, следовательно, потерю времени. Вторые и последующие однородные III достаточно отдалены от господствующего слова, чтобы нуждаться в особенно четком маркировании. В рядах изъяснительных III после первого нулевого коннектора часто (53,3%) следует that во втором III:

You said we had to leave, that I didn't know a bad thing when I saw it (Spencer).

В рядах адъективных III после нулевого коннектора и that следует обычно более информативное относительное местоимение which или who:

That list of people, I should say, is a list of people, she had called on in the course of her job, and who subsequently died (Christie).

Еще большее усложнение происходит, когда однородные III второго яруса подчинения повторяют не только свой коннектор, но и коннектор включающего их III первого яруса подчинения, например:

It seems to me that if there are recognizable intrasentence relationships of the types discussed in studies of case systems... that if these same relationships can be shown to be comparable across languages... then surely there can be no meaningful objection... (Fillmore).

Повтор коннектора обязателен при парцелляции одного из III ряда:

The lady said of her own accord, and not of his seeking, that her name was an assumed one. That she was, if there were only ties of blood in such a case, the child's aunt (Dickens).

2. Однородные ПП и ПП̄. ПП могут входить в один сочинительный ряд с однофункциональными ПП̄, так как горизонтальные связи в принципе объединяют единицы не формальные, а функциональные. В дискуссии, которая ведется русистами со времени Ф. И. Буслаева, было справедливо отмечено, что неравноструктурное сочинение — это живая и развивающаяся конструкция, которая будет существовать, несмотря на запреты ревностных хранителей формально-логической приращенности языка. Если эту конструкцию изгоняют из литературной нормы, она все равно появляется в деловой, научной, поэтической речи или в разговоре. Рост ее удельного веса знаменует собой победу синтаксиса над морфологией, функционального начала над началом формальным. Негативное отношение к неравноструктурному сочинению объясняется тем, что оно противоположно уже отмеченной тенденции к структурному параллелизму. Но потребности коммуникации сильнее формальных канонов.

В какой-то мере все четыре типа ПП могут быть однородными непредикативными членами предложения, однако их распространенность и стилистическая приемлемость различны. Исследовавшая этот вопрос А. Г. Поспелова уделила основное внимание функциям однородных членов, а не специфике ПП [8, с. 186—225]. Она приходит к выводу, что среди разнооформленных синтаксических единиц преобладают функции дополнения и обстоятельства, что подтверждают и наши результаты.

1. Наиболее распространенными являются разноструктурные сочинительные связи между именными ПП и именами или предложными сочетаниями в самых различных функциях. По-видимому, такие сочетания не имеют ограничений, а три разновидности именных ПП особенно легко входят в однородные ряды с непридаточными:

а) придаточные, перешедшие в именной тип из адъективного, сохраняют антецедент-имя, берущий на себя роль коннектора, что обеспечивает их структурный параллелизм с именами:

She loved the way his dark hair would not stay combed and the hard — fleshed feel of him... (Coppel);

б) в так называемых комментирующих именных ПП союзное слово *what* и предикативное ядро составляют комментирующую часть, передающую отношение говорящего к той части ПП, которая помещена в конце. Предикативное ядро включает обычно *verba dicendi et sentiendi*, особенно часто *call, mean, describe, say, regard, consider, conceive, refer, know, term*, которые комментируют название выраженного понятия с точки зрения его общепринятости с импликацией возможности и иного названия. Глаголы-связки *be, become, seem, look*, глагол *pass(for)* и другие указывают на несоответствие внешнего вида и содержания описываемых объектов, на их изменение во времени. Комментирующие ПП являются придаточными предложениями только по форме, и рематический член предложения, стоящий в их конце, легко входит в ряды сочинительной зависимости с одноименными непредикативными членами предложения:

Fielding... was truly warm-hearted and unconventional, but not what can be called wise (Forster).

Комментирующая часть ПП произносится скороговоркой на пониженном диапазоне, что указывается написанием через дефис.

Here be I, his former master, working for him as man, and he the man standing as master, with my house and my furniture and my what-you-may-call wife all his own (Hardy);

в) скрещенные адъективно-именные ПП начинаются с именной группы, включающей союзное слово и служащей антецедентом адъективного ПП. Через именную группу они легко входят в один ряд с другими именами:

...he gets liver and whatever vegetables are around (Barstow).

Все три перечисленных случая обязаны своей пространственностью в сочинительных рядах тому факту, что в ПП выделяется член предложения, однофункциональный и нередко формально параллельный другим членам предложения. Но и другие именные ПП могут входить в разноструктурные ряды:

...she didn't know how Woody's mind worked, or about the clutch parts, and how he felt about his car (Felsen).

2. Адвербиальные ПП также распространены в предикативно-непредикативных сочинительных рядах, особенно ПП темпорального и каузального разрядов:

Just send the nurse... away for the afternoon, or while she's here... (Dreiser).

"How d'you account for it?" he inquired, not out of mere politeness but because he really wanted to know (Priestley).

Разноструктурные сочетания других разрядов встречаются много реже, например обстоятельства цели:

...it was all done for the love of you, and that you might be my mistress (Dickens).

3. Подобные построения с изъяснительными ПП являются неопровержимым фактом современного английского языка [9, с. 135], хотя и встречаются возражения многих англистов [10, с. 24; 11, с. 41]. Мы засвидетельствовали такие сочетания в трех случаях: с инфинитивом и именем в роли дополнения и с прилагательным в роли предикатива:

...I asked her to get coffee for us and that we wanted a lunch (Hemingway).

They knew their place, and that it was a man's place to make decisions (Robbins).

...I did not feel jealous or that I was at all excluded... (Cronin).

4. Больше всего возражений встречают сочинительные сочетания непредикативных единиц с адъективными ПП. Мы не засвидетельствовали сочетаний адъективных ПП с препозитивными определениями типа a good quality, and which generally accompanies true merit. Г. Паутсма пишет о них как о нежелательных, а братья Фаулеры допускают их лишь при условии, что оба определения будут либо ограничительными, либо описательными [12, с. 421; 13, с. 94—95]. Протест против таких определений вызывается структурным несоответствием, дистантностью расположения, позицией определяемого между определениями, что является для современного языка пережитком прошлого. Такой порядок однородных членов нарушает правило сочинительной проективности, согласно которому слово, связанное по смыслу с обоими сочиненными членами, находится либо слева, либо справа от сочинительной группы, но не внутри ее [14, с. 175]. Сочинение постпозитивных разноструктурных определений более обычно,

хотя не все стилисты принимают и его. С адъективным ПП могут сочетаться прилагательные, предложные сочетания и причастия:

He is like a bird **assustomed to a certain density of atmosphere and which cannot live comfortably at either higher or lower level** (Dreiser).

Такие ряды встречаются редко, по-видимому, из-за громоздкости в структурной многозначности — без сочинительных союзов они воспринимаются как неоднородные определения:

These were the problems, **deep, intricate and hurtful, that we could not discuss with one another** (du Maurier).

Основной причиной структурной несовместимости адъективных ПП и других видов приименного определения мы считаем наличие у ПП анафорического повтора определяемого-антецедента, заключенного в релятиве, что не характерно ни для какого иного вида определений.

Как все единицы более высокой структурной сложности и большей весомости в тексте, ПП обычно стоят в конце сочинительного ряда. Тенденция к утяжелению конца ряда проявляется при отсутствии союзов, при соединительной и разделительной связи, когда с некоторыми оговорками можно применить тест на обратимость однородных членов. Противительная же связь имеет векторный характер, перестановка однородных членов недопустима, и их место определяется коммуникативно-смысловой направленностью конструкции.

Особо следует рассмотреть суммарные члены в конце сочинительных рядов. Суммирование может быть включающим предшествующие члены ряда и исключаящим. В ряду однородных ПП суммарным последним членом обычно служит слово местоименного характера *something, anywhere* и т. д.:

...I paid off the taxi and walked home..., not seeing where I went, nor what was in front of me, nor **anything at all** (Du Maurier).

Со своей стороны, именные и адвербиальные ПП с коннектором, содержащим морфему *-ever*, служат включающе- или исключаяюще-суммарным членом в конце

сочинительного ряда $\overline{\text{ПП}}$, подсоединяясь с помощью союзов *and, or* или бессоюзно:

They show the record to your lawyer, or husband, or whoever is responsible for you (Susann).

I'll marry you tomorrow or whenever you choose (Susann).

Такие $\overline{\text{ПП}}$ распространены в рядах дополнений, подлежащих, предикативов, обстоятельств места и времени, выраженных группами имени, предложного сочетания или наречия. Именные $\overline{\text{ПП}}$ могут служить суммарным членом после адвербиальных однородных членов:

And I simply cannot believe that I'll develop gallstones, meningitis just because old Thyrza draws pentagrams on the floor, or Sybil throws a trance — or whatever it is these women do (Christie).

В подобных случаях суммарный член выходит из однородного ряда, так как невозможно элиминировать предшествующие однородные члены. Суммарный член связан с членами однородного ряда, но не соединен вместе с ними с господствующим словом одинаковой связью. А. Г. Поспелова объясняет это построение как переход суммарного члена в пространство вводности [8, с. 84—86]. Но вводность предполагает содержательное расхождение с основным предложением, интонационное и пунктуационное обособление, а также свободу позиции, что в целом нехарактерно для рассматриваемых конструкций. С нашей точки зрения, нарушение в механизме обычных сочинительных связей происходит в данном случае на том же основании, что и в других суммарных членах (например, *and so on, and all that, and all, and so forth, etc.*), именно из-за того, что они отстоялись в языке в роли суммарных членов сочинительного ряда и превратились в устойчивые единицы, формулы, употребляемые в конце любого перечисления для передачи включающего или исключаящего суммирования:

...he was all over our place today, asking about how you got to to Sidney and what were the necessary formalities, and so on (Sayers).

Необходимость однородного соподчинения отпадает. Нет места превалированию функционального начала над формальным, о котором шла речь выше. Наоборот,

в данном частном случае форма перевешивает функцию, но только потому, что она приобрела ишую функцию уже не в плане членов предложения, а в плане передачи суммирования.

3. **III и III** в сочинительных рядах неоднородных членов предложения. Когда говорят о придаточных в ряду неоднородных членов предложения, то имеют обычно в виду элементы, связанные сочинительными союзами, так как иначе трудно установить сам факт неоднородности.

Уже упоминалось, что по коммуникативному заданию однородные III могут быть оформлены разными коннекторами. Это обычное явление среди именных и адвербиальных временных III:

I don't know **who** Mrs Davis was, or **where** she came from (Christie).

Mike called **when** her restless nap was over and **while** she waited for the baby (McHugh).

Различие коннекторов в именных III связано с различными функциями союзных слов в составе III, а в придаточных времени — с разнообразием темпоральных отношений.

Другой причиной появления сочинительных рядов III с разными коннекторами является стремление к снятию монотонности и к вариативности (обратной тенденции по отношению к структурному параллелизму, отмеченному выше), если коннекторы равноценны. По конечным результатам (несовпадение коннекторов) эта тенденция не отличается от тенденции утяжеления последующих союзов, о которой уже упоминалось:

I wonder if there really is anything in the world or **whether** this man has just dropped in to pass the time of day (Snow).

Вариативность коннекторов достигается с помощью универсального союза-заместителя вместо **because**:

Evangeline forgave herself **because** she did not drive well and **because** she was, after all, a Framingham and **that** much was owed to the position her father had occupied in the community (O'Hara).

Во всех перечисленных выше случаях вариативность не выходит за пределы однородного сочинения. Разнородное сочинение среди III — очень редкое явление, поэтому его целесообразно рассматривать вместе с разнородным сочинением III и III. В последнем случае

дважды нарушается требование параллелизма сочиненных элементов — в структурном и функциональном планах.

Чаще всего встречается сочинение разноразрядных обстоятельств: образа действия и места или времени; образа действия и причины; времени и условия; причины и цели и некоторые другие:

...why Si was so unrealistic... Wants everything as he wants it and when (McHugh).

In the flare of morning light pouring between two coal-pockets and because the train had stopped to let a bridge swing...— he saw a group of Irish stevedores idling on the bank of a lumber yard... (Dreiser).

When you get this, and if you have not put me right away from your mind, would you send me a letter?.. (Du Maurier).

We'll go down to protect our interests and because we're fond of the old dear (Christie).

Эти четыре пары обстоятельств особенно частотны. Первая и вторая объединяют основные условия (где? когда? как? почему?), в которых разворачивается событие ГП. Третья пара перечисляет временную ориентацию и возможные события, которые могут мотивировать события в ГП. Четвертая пара перечисляет отношения, которые тесно связаны и постоянно замещают друг друга,— причину интерпретируют как цель с обоснованием, а цель — как причину, сдвинутую в будущее, с выраженным в ней желанием. Широко употребительны союзные биномы: when and (or) as, as and (or) where, when and (or) if, unless and until, реже некоторые другие:

...I prosecute criminals where and as I find them (Stone).

It is only if and because the Minister's reputation and career is ultimately at stake that he can exercise proper authority in his department (The Sunday Telegraph).

Чаще всего сочетаются с иными разрядами обстоятельства образа действия, времени и причины. Разные обстоятельства, выраженные именными ПП, объединяются формальной аналогией, например:

...it's the least you do for me after what you've tried to do, and considering what I know (Vidal).

Встречаются сочинительные сочетания именных и изъяснительных ПП, поскольку они выполняют одинаковые функции в структуре ГП, однако различие типов

делает такие сочетания необычными и достаточно редкими:

...they could not imagine what a war might mean, or that their lives would change (Snow).

Часто встречаются причинные **ПП** адвербиального типа в одном ряду с изъяснительными **ПП**:

...she could tell you that this is not due to any dark, unnatural instincts I possess, but because I can usually think of better things than a haircut to spend two bob on... (Osborne).

В оппозиции между различными типами **ПП**, выступающими в приглагольной позиции, изъяснительные **ПП** играют роль слабого члена, чему способствует универсальный характер коннектора *that*.

Классификация **СПП** на четыре типа способствует более релевантному описанию сочинительных связей между **ПП**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биренбаум Я. Г. Сопоставление сложноподчиненных предложений русского и английского языка.— В кн.: Вопросы романо-германского языкознания. Вып. V. Челябинск, 1974.
2. Edgren E. Temporal clauses in English. Uppsala, 1971.
3. Биренбаум Я. Г., Кузнецов И. А. Числительные в современном английском языке (функционально-семантический обзор).— В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Свердловск, 1970.
4. Harris Z. S. Transformational theory. Lg., vol. 41, N 3, pt. 1, 1965.
5. Gleitman L. R. Coordinating conjunctions in English. Lg., vol. 41, N 2, 1965.
6. Голенко Е. С. Сложноподчиненные предложения с однородными придаточными частями в современном английском языке.— Автореф. канд. дис. М., 1962.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
8. Пospelова А. Г. Сочинение разнооформленных синтаксических единиц в современном английском языке. Канд. дис. Л., 1971.
9. Структурный синтаксис английского языка/Под ред. Л. Л. Иофик. Л., 1972.
10. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles. Pt III. London — Copenhagen, 1965.
11. Emonds J. A reformulation of certain syntactic transformations. Goals of linguistic theory/Ed. by St. Peters. New Jersey, 1972.

12. Poutsma H. A grammar of Late Modern English for the use of continental especially Dutch students. Pt I. The sentence. Second half. The composite sentence. Groningen, 1929.
13. Fowler H. W., Fowler F. G. The King's English. Oxf., 1958.
14. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974.

Н. А. КУЗЬМЕНКО

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ ГРАНИЦ СЛОВА

В практике преподавания иностранных языков часто возникают затруднения в оценке степени связанности лексико-семантических вариантов, т. е. в выяснении вопроса о пределе полисемии и о проведении четкой грани между полисемией и омонимией.

Действительно, что представляют собой такие единицы, как band 'группа людей' и band 'банда', beam 'балка' и beam 'луч', blind 'слепой' и blind 'штора', watch 'часы' и watch 'наблюдение', совместимы или несовместимы в слове revolution значения «вращение» и «революция».

Вопрос о расщеплении единой смысловой структуры слова неотделим от проблемы семантического тождества слова. Семантическое тождество понимается как определенная внутренняя связь между отдельными значениями слова при единстве их материальной оболочки. «В одном слове могут объединяться и сосуществовать разные (но связанные между собой лексические значения), если их различие не выражается, не фиксируется, не закрепляется соответствующим различием в звуковой оболочке», — подчеркивает А. И. Смирницкий [1, с. 24]. Подобная мысль высказывается Д. Н. Шмелевым («Материальное (звуковое) тождество слова является основой его семантического тождества» [2, с. 96]) и другими исследователями.

Рассмотрение проблемы семантического тождества слова включает в себя вопрос о смысловых границах

отдельного слова. Как писал В. В. Виноградов, «семантической границей слова очень часто является его омоним» [3, с. 112]. Сложность определения смысловых границ слова состоит в том, что часто трудно установить границу между полисемией и омонимией. Поэтому проблема различения лексико-семантических вариантов одного слова и омоимов, возникших из единого семантического центра, остается по-прежнему одним из сложных вопросов современной лингвистики.

Он волнует в первую очередь лексикографов, при описании многозначных слов — помещать ли их в одной статье как единый знак или в двух и более статьях как два или *n*-е количество знаков.

На разнотрактовки этой проблемы в словарях указывают многие авторы (Д. Н. Шмелев, И. С. Тышлер, Н. И. Супрун, И. Н. Мильгоф и др.).

Обычно семантическая близость или отдаленность значений трактовалась как дискретное противопоставление. Не принимались во внимание разные степени связанности значений и разные ступени образования омонимов.

Традиционные методы: критерий отдаленности значений слова, словообразовательный критерий, наличие у слов различных синонимов, система сочетаемости слова — не дают возможности разграничения полисемии и омонимии.

Основная направленность поисков решения этой проблемы в семантическом плане — стремление определить ту меру расхождения, которая вызывает распад смыслового тождества. Расщепление семантической структуры слова нельзя рассматривать как какой-то мгновенный акт. Это процесс — «живой, динамический», по выражению В. В. Виноградова, постоянно изменяющий словарный состав языка, его систему. Им и объясняются сложности и противоречивости лексикографического толкования ряда слов, находящихся в состоянии расщепления смысловой структуры, когда связи между значениями еще не нарушены окончательно, но уже утратили былую ясность мотивировки.

Многозначные слова в одних случаях рассматриваются как полисемантические, в других — как несколько отдельных слов. Например, значения слова *bar* «брус», «адвокатура», «бар» в английских толковых сло-

варях [4—6] толкуются в рамках многозначности, а в современных двуязычных словарях [7, 8] выделяются как самостоятельные слова. Так же обстоит дело и с существительными *agitation, bachelor, bill, board, constitution, court, game* и многими другими, подаваемыми в различных словарях по-разному. По-видимому, наличие определенной смысловой связи между значениями и дает основание авторам одноязычных словарей считать, например, значения «холостяк» и «бакалавр», «счет» и «законопроект», «двор» и «суд», «игру» и «дичь» и т. д. объединенными в одной семантической структуре.

В связи с недостаточной разработанностью вопроса об определении смысловых границ слова в лексикографической практике возникает насущная необходимость найти достаточно надежный объективный критерий разграничения полисемии и омонимии, появившейся в результате расщепления некогда единого слова на слова с разными значениями.

Мы полагаем, что только совокупность всех применяемых методов может дать решение этой проблемы. С этой точки зрения определенный интерес представляет один из разновидностей метода компонентного анализа, который можно назвать методом лексических объяснительных трансформаций.

Под лексической объяснительной трансформацией¹ понимается замена объясняемого слова его словарной дефиницией. По денотативному значению дефиниция тождественна трансформируемому варианту слова, но морфемный состав ее иной. Критерием допустимости трансформации служит грамматическая отмеченность предложения при подстановке трансформа. Все лексико-семантические варианты связаны между собой отношениями семантической производности, т. е. каждый вариант может быть объяснен хотя бы через один из остальных. Процедура объяснительной трансформации может быть представлена следующим образом на примере слов *table, beam, constitution*.

¹ О сущности трансформации см.: Арнольд И. В. Полисемия существительных и лексико-грамматические разряды.— Иностр. языки в школе. М., 1969, № 5.

«Table»

Словарь Хорнби [6, с. 894] различает в слове table четыре лексико-семантических варианта:

- 1) table — piece of furniture consisting of a flat top with (usu. four) supports (called legs);
- 2) table — (sing. only) people seated at a table;
- 3) table — (sing. only) food provided at table;
- 4) table — list, orderly arrangement of facts, information, etc. (usu. in columns).

Поясняем второй и третий варианты через первый, подставив в их определения вместо слова table дефиницию первого варианта. Получаем следующие трансформы:

- 2) table — people seated at a piece of furniture...;
- 3) table — food served at a piece of furniture...

Следовательно, в первом, втором и третьем случаях перед нами лексико-семантические варианты одного слова, так как объяснение их через первый вариант возможно. Четвертый вариант «таблица» нельзя пояснить через рассмотренные выше варианты. Дефиниция слова list также не выявляет общих элементов с первыми тремя вариантами: list — number of names (persons, items) written or printed. Это дает нам основание считать четвертый вариант слова table омонимом трех первых.

Beam

Семантическая структура существительного beam имеет четыре лексико-семантических варианта:

- 1) beam — long horizontal piece of squared timber or of steel, light alloy, concrete, supported at both ends, used to carry the weight of a building, etc;
- 2) beam — horizontal cross-timber in a ship, joining the sides and supporting the deck (s); the greatest width of a ship;
- 3) beam — crosspiece of a balance, from which the scales hang;
- 4) beam — ray or stream of light.

Первый, второй и третий варианты объединены общим семантическим компонентом материала (timber) и компонентом положения (horizontal). Общий для

трансформов первого и второго вариантов элемент horizontal может быть выявлен и в трансформе третьего варианта, если ему придать единообразие с первыми двумя. Полученный трансформ будет выглядеть следующим образом:

4) beam — horizontal crosspiece of a balance, from which the scales hang.

Четвертый вариант не выявляет никаких общих элементов с первыми тремя. Дефиниции слов stream, light, найденные в этом же словаре [6], также не обнаруживают ничего общего с первыми тремя вариантами:

stream — steady flow (of light);

light — that which makes thing visible.

Следовательно, в первых трех случаях мы имеем дело с лексико-семантическими вариантами слова beam, а в четвертом с омонимом первых трех.

Нам представляется правомерным выделение четвертого варианта «луч» как омонима в Списке омонимов у Скита [9].

Constitution

Семантическая структура слова constitution представлена в словаре Хорнби [6, с. 184] тремя лексико-семантическими вариантами:

1) constitution — system of government; laws and principles according to which a state is governed;

2) constitution — general physical structure and condition of a person's body;

3) constitution — general structure of a thing, act or manner of constituting.

Во втором и третьем вариантах трансформы содержат общий элемент general structure, показывающий, что варианты находятся в отношении семантической производности.

Для первого варианта со значением 'конституция, основной закон' никакие объяснения одного варианта через другой общих элементов не выявляют. Не выявляют их и дефиниции слов system, government, law, найденные в этом же словаре [6]:

system — ordered set of ideas, theories, principles, etc.: a-of government;

government — method or system of governing;

law — rule made by authority for the proper regulation of a community or society or for correct conduct in life.

Следовательно, во втором и третьем случаях перед нами лексико-семантические варианты одного и того же слова, а в первом — омоним второго и третьего.

Таким образом, применяя метод лексических объяснительных трансформаций, при которых выделяются основные семантические компоненты, объединяющие различные лексико-семантические варианты многозначного слова, можно показать различную степень связанности значений и выявить действительные омонимы в семантической структуре многозначного слова.

Описанный метод в сочетании с другими может быть использован при составлении лексического минимума по иностранному языку на разных этапах обучения, а также при составлении словарей английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий А. И. Проблема тождества слова.— Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. IV.
 2. Шмелев Д. Н. Проблема семантического анализа лексики. М., 1973.
 3. Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках.— В кн.: Славянское языкознание, VI Международный съезд славистов. М., 1968.
 4. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield, Mass., 1971.
 5. Random House Dictionary of the English Language. The Unabridged Edition. N. Y., Random House, 1967.
 6. Hornby A. C. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 3-rd ed. L., Oxford University Press, 1977.
 7. Большой англо-русский словарь. В 2-х т./Под общ. ред. И. Р. Гальперина. М., 1972.
 8. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. 17 е изд., испр. и доп. М., 1977.
 9. Skeat, Walter W. An Etymological Dictionary of the English Language. New ed., rev. and enl. Oxford, Clarendon Press, 1958.
-

ЦВЕТОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ У НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Согласно данным современной лингвистики, звуки речи, гласные в особенности, имеют свои цветовые соответствия [1—16]. У некоторых людей способность воспринимать звуки речи в цвете выражена ярче, у других — слабее, но подобная способность имеется почти у всех и не является патологией [4—6, 12]. Эту способность можно развивать [14, с. 49—50]. Известно, что цвето-звуковые связи у большинства носителей данного языка более или менее одинаковы [1, 6, 8, 14, 15]. Цветовые соответствия английских гласных фонем у носителей английского языка [11, 14, 15] и аналогичные соответствия русских фонем у носителей русского языка [1, 2, 6, 10] уже изучались.

Задача данной статьи — анализ закономерностей цветовых соответствий английских фонем у носителей русского языка. Полученные нами данные помогут ответить на вопрос, окрашиваются ли сходные звуки в родном и иностранном языке носителями данного языка одинаково, превалирует ли какой-нибудь цвет в окраске данного звука в родном и иностранном языке, как склонны люди окрашивать гласные разных типов в своем и иностранном языке. Решение этого вопроса поможет лучше понять, как воспринимает учащийся систему гласных чужого языка, что приведет к повышению эффективности обучения фонетике иностранного языка. Цветовые соответствия иноязычных гласных также могут помочь уточнить функционально значимые противопоставления гласных в фонетической системе родного языка, которые проявляются на уровне подсознания.

Был опрошен 721 человек — студенты и преподаватели Новосибирского госуниверситета, Новосибирского госпединститута и Ленинградского медицинского института, владеющие английским языком. Информанты хорошо знали английскую фонетическую транскрипцию: по предъявлению транскрипционного знака могли

без затруднения произнести звук и, наоборот, при предъявлении звука могли симультанно записать соответствующий ему знак.

Информантам предлагалось заполнить измененную и дополненную таблицу 6 из работы А. П. Журавлева «Фонетическое значение» [1, с. 51] по методике «Однозначный выбор фонемо-цветовых соответствий». В отличие от упомянутой таблицы взято 16, а не 6 цветов и 21, а не 6 фонем. В табл. 1 проводится анализ 19 гласных: две сонорные фонемы из анализа в данной статье исключены.

Во избежание взаимовлияний и интерференции ответов каждому информанту давалась индивидуальная анкета. Испытуемым запрещалось выбирать два (или более) цвета для одной и той же гласной фонемы. Никаких других ограничений частоты употребления данных 16 цветов сделано не было, т. е. испытуемые могли приписать один и тот же цвет равным фонемам. При затруднениях найти цветочное соответствие данному звуку испытуемый делал отметку в колонке «отказ». Примерно 5% женщин и 12% мужчин отказались от заполнения анкет, мотивируя это тем, что они не могут представить звуки речи в каком-либо цвете.

Результаты эксперимента сведены в табл. 1.

Данные табл. 1 показывают, что носители русского языка предпочитают ставить определенные цвета в соответствие определенным английским фонемам. Для удобства анализа эти данные можно представить в таблице другого вида (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что нескольким английским фонемам носители русского языка приписывали один и тот же цвет:

[ɪ] и [i:] — синий, зеленый:

[æ], [ʌ], [aɪ], [a:] — красный:

[eɪ], [e], [ə] — серый:

[ɔ] и [ɔɪ] — желтый:

[ou], [u], [u:] — синий, коричневый.

Видимо, подобный выбор фонемо-цветовых соответствий происходит вследствие влияния фонетической системы русского языка. Вероятно, именно поэтому носители русского языка приписывают долгим [i:] и [u:] точно такой же цвет, как и соответствующим им

Таблица 1
Абсолютные количественные значения однократного выбора фонемо-цветовых соответствий у носителей русского языка на материале гласных фонем английского языка

№ п.п.	Фонема	Цвет												Black	Grey	White	Violet	Blue	Green	Brown	Yellow	Orange	Red	
		Red		Yellow		Brown		Green		Blue		Grey												
		l*	d	l	d	l	d	l	d	l	d	l	d											
1	[i]	61	54	28	23	26	16	48	89	101	65	28	29	38	8	41								
2	[i:]	28	28	33	36	27	31	75	84	106	83	33	18	25	25	23								
3	[e]	51	22	60	43	72	28	55	26	41	26	28	31	80	34	41								
4	[e:]	42	31	75	44	41	29	67	33	57	28	34	32	62	31	54								
5	[a]	20	50	52	62	41	76	34	26	25	26	80	20	38	31	26								
6	[a:]	43	93	86	23	37	50	19	18	18	18	30	35	52	39	64								
7	[ɔ]	27	20	53	47	43	41	42	29	71	24	46	43	49	17	110								
8	[ɔ:]	24	16	39	51	27	27	90	28	80	44	49	33	33	19	6								
9	[ɔ:]	41	30	36	30	39	31	31	22	33	16	29	109	99	26	25								
10	[ɑ:]	84	151	43	18	14	41	22	13	33	27	43	82	22	16	38								
11	[a:]	110	60	61	59	19	25	49	19	54	25	23	71	27	8	62								
12	[au]	33	31	45	43	50	60	56	49	56	59	44	27	27	18	69								
13	[ʌ]	106	92	38	16	30	35	27	18	36	16	29	79	49	24	33								
14	[ɔ]	26	26	59	43	41	36	38	29	37	41	37	96	38	25	63								
15	[ɔ:]	31	30	61	43	47	30	56	51	39	33	34	34	26	28	103								
16	[ɔ:]	21	42	39	28	33	56	23	39	30	65	36	56	35	49	74								
17	[ou]	14	20	38	48	45	49	42	46	62	51	43	35	40	34	80								
18	[u]	11	14	18	26	56	54	56	44	78	69	49	29	47	37	68								
19	[u:]	10	19	24	37	28	56	43	63	57	87	60	25	26	51	62								

* l ж d — соответственно светлый (light) и темный (dark) оттенки одного цвета.

Таблица 2

Наиболее характерные соответствия цвета и английских фонем у носителей русского языка

Фонема	Характерный цвет	Процент выбора	Средний %	Во сколько раз средний % выбора выше слу- чайного
[ɪ]	Синий, зеленый	42	21	3—4
[i:]	» »	48	24	3—4
[e]	Серый, желтый	31	16	3
[eɪ]	Серый, желтый, зеленый	41	14	2
[ə:]	Фиолетовый, коричневый, жел- тый	44	15	2—3
[æ]	Красный, оранжевый, корич- невый, серый	56	14	2
[æə]	Синий, оранжевый, желтый	33	11	2
[ɪə]	Синий, зеленый, желтый	50	17	3
[e]	Серый, белый	32	16	3
[a:]	Красный	33	33	5
[aɪ]	»	22	22	3—4
[aʊ]	Коричневый	15	15	2—3
[ʌ]	Красный	27	27	4—5
[ɔ]	Белый, желтый	27	14	2
[ɔɪ]	Желтый, зеленый	28	14	2
[ɔ:]	Синий, коричневый, черный	36	12	2
[ou]	Синий, желтый, коричневый	43	14	2
[u]	Синий, коричневый, зеленый	50	17	3
[u:]	То же	46	16	3

кратким [ɪ] и [u] или ставят в соответствие нескольким английским фонемам одну русскую. Например, русское [a], по-видимому, связывается с несколькими английскими гласными, которые являются долгими, краткими и даже дифтонгами: [a:], [ʌ], [æ] и [aɪ]. По нашим наблюдениям, они ставятся в соответствие одному и тому же цвету (красному), что и русское [a], долгота которого нефонематична [1, 2].

Полученные результаты можно сравнить, с одной стороны, с данными по звуко-цветовым соответствиям у носителей английского языка на материале английских фонем и, с другой — с данными по звуко-цветовым соответствиям у носителей русского языка на материале русских фонем. Здесь есть и совпадения и различия. Так, данные в этой работе по гласным

Таблица 3

Соответствия оттенков цвета долготе английских фонем у носителей русского языка, %

Долгие гласные фонемы	Оттенок		Отказ	Краткие гласные фонемы		Оттенок		Отказ	Дифтонги		Оттенок		Отказ
	свет- лый	темный		свет- лый	темный	свет- лый	темный		свет- лый	темный			
[i:]	53	44	3	[i]	60	34	6	[eə]	52	33	15		
[ə:]	39	53	8	[ə]	61	29	10	[ɪə]	55	33	12		
[e:]	44	51	5	[ʌ]	55	36	9	[aɪ]	62	29	9		
[ɔ:]	37	56	7	[ɔ]	54	37	9	[aʊ]	47	43	10		
[u:]	33	58	9	[u]	46	45	9	[ɔɪ]	47	39	14		
Итого . . .	206	262	32	Итого . . .	276	181	43	Итого . . .	308	221	71		
В среднем	41,2	52,4	5,3	В среднем	55,2	36,2	8,6	В среднем	51,3	36,8	11,8		

английского языка [ʌ] и [a:] совпадают с данными по русской фонеме [a] [1, 2] и английской [a:] [14] — с ними и русские и американцы соотносят красный цвет. Это может свидетельствовать о каких-то сходствах в восприятии аобразных звуков между русскими и американцами, так как например, датчане приписывают этому звукотипу синий цвет [12]. В основном совпадают ответы по фонемам [u] и [u:] — их относят к темным оттенкам синего и коричневого цветов. Результаты по фонемам [i], [ii] в нашей работе (синий, зеленый) не совпадают со цветовыми соответствиями (белый) у носителей английского языка [14, 15], но полностью коррелируются с данными у носителей русского языка по русской фонеме [i] [1, 2]. Наиболее близкая по звучанию к русской [o] английская фонема [ou] в представлении носителей английского языка окрашивается в красный и черный цвета, в то время как в представлении носителей русского языка она должна иметь

коричневый, синий и даже желтый цвет. В этом наборе цветов проявляется интерференция русского языка, так как русская фонема [o] для большинства носителей русского языка представляется белой или желтой. Интересно отметить, что носители русского языка оценивали цвет фонем [e], [ei], [ə] примерно так же, как и носители английского языка, для которых эти фонемы имеют белый или близкий к нему цвет (серый, желтый), в то время как русская фонема [e] для большинства носителей русского языка зеленого и желтого цвета.

Соответствие долгих и кратких гласных и дифтонгов светлomu и темному оттенкам цветов дано в табл. 3.

Сопоставление оттенков, приписываемых долгим и кратким гласным, говорит о том, что носители русского языка воспринимают долгий английский гласный как более темный по сравнению с кратким и, наоборот, краткий гласный они окрашивают более светлым. Судя по сумме отказов, им труднее представить в цвете краткий английский гласный, чем долгий, а сопоставив среднее количество отказов на фонему, становится ясно, что труднее всего носителям русского языка представить в цвете дифтонг. Табл. 3 также показывает, что дифтонги по оттенку «светлый — темный» в представлении русских относятся к кратким гласным. Это, вероятно, свидетельствует о том, что они воспринимают дифтонг как один гласный.

В заключение следует сказать, что в отличие от данных таблицы 6 Журавлева А. П. [1, с. 51] мы установили больший разброс значений. Создается впечатление, что носителям русского языка намного труднее связать иноязычные (по сравнению с русскими) гласные фонемы с цветом. Важно отметить, что налицо сильная интерференция фонетической системы родного языка.

Автор выражает благодарность за помощь в работе по опросу информантов преподавателям кафедры иностранных языков НГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.
2. Иванова-Лукьянова Г. Н. О восприятии звуков.— В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
3. Коппицер И. З. О малоизвестных работах Евгения Блейлера

- и их значения в наши дни.— Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1976, т. LXXVI, с. 161—162.
4. Кравков С. В. Взаимодействие органов чувств. М.— Л., 1948.
 5. Кравков С. В. Цветовое зрение. М., 1951.
 6. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
 7. Левицкий В. В. К проблеме звуко-символизма.— В кн.: Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.
 8. Панов М. В. О восприятии звуков.— В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
 9. Рабкин Е. Б., Соколова Е. Г. Цвет вокруг нас. М., 1964.
 10. Штерн А. С. Объективное изучение субъективных оценок звуков. речи.— В кн.: Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967.
 11. Якобсон Р., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
 12. Fischer-Jørgensen E. Perceptual Dimension of Vowels. To Honor Roman Jakobson. Mouton — The Hague, 1967, p. 667—671.
 13. Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel "i".— *Philologica*, L., 1922, vol. 1.
 14. Marks L. Synesthesia: The Lucky People with Mixed Up Senses.— *Psychology Today*, 1975, June, p. 48—52.
 15. Marks L. On Colored-Hearing Synesthesia: Cross-Modal Translations of Sensory Dimensions.— *Psychological Bulletin*, 1975, vol. 82, N 3, p. 303—331.
 16. Sapir E. A study in Phonetic Symbolism.— *Journ. Exper. Psychology*, 1929, N 3.

Л. В. ЛАНТУХ

ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ

В связи с усилившейся в последние годы тенденцией к переходу от экспериментально-фонетического изучения отдельных слов и предложений английского языка к исследованию спонтанной речи [1, 2] перед фонетистами встала задача определить важнейшие закономерности просодических характеристик спонтанной речи.

Изучен один из компонентов просодической организации речи — длительность. Была исследована длительность гласных американского варианта английского языка в двух типах спонтанной речи (лекция и телефонный диалог).

С точки зрения методики изучения речи исследование фиксированной связной речи считается наиболее трудным [3]. Поэтому наиболее реальная возможность

изучения длительности гласных в спонтанной речи заключается, на наш взгляд, в формировании достаточно больших выборок этих звуков, в которых происходит нивелирование менее значительных факторов и на первый план четко выступает основная тенденция. Таким образом, создаются условия для исследования длительностей гласных в зависимости от наиболее важных факторов: качество гласных (открытость — закрытость, дифтонг — монофтонг), влияние последующих согласных, положение слога и слова в синтагме, позиция по отношению к ударению, изменения темпа речи.

В эксперименте участвовали восемь преподавателей и студентов колледжей США, обладающих стандартным американским произношением. Всего анализируется 490 синтагм из лекции и 524 синтагмы из диалога. Статистическая обработка полученных материалов проводилась по общепринятым в фонетических исследованиях методикам [4].

Как показали проведенные исследования, абсолютная длительность английских гласных в лекции выше, чем в диалоге. Это связано с различием в темпе двух изученных типов спонтанной речи. В лекции средний темп был на 40,2% ниже, чем в диалоге, длительность гласных в лекции оказалась соответственно на 39,53% выше.

При анализе длительности закрытых ударных гласных оказалось, что она статистически достоверно ниже, чем у открытых. При сравнительном анализе длительностей открытых ударных гласных в лекции было выяснено, что наибольшую длительность имеет гласный [ɔ] — 168,68 мс, а в диалоге гласный [æ] — 115,08 мс. Наименее длительным среди открытых гласных в лекции является [a] — 148,2 мс, а в диалоге гласный [ɔ] — 108,72 мс. Интервалы наиболее часто встречаемой длительности у закрытых ударных гласных: в лекции 80—90 и в диалоге 40—60 мс.

Безударные гласные в разных типах спонтанной речи представлены в основном двумя гласными: [ə] и [ɪ]. Если в лекции длительность гласного [ɪ] заметно выше, чем [ə], то в диалоге эти гласные почти не отличаются по длительности.

Сравнительный анализ средней длительности ударных дифтонгов и монофтонгов показал, что первые

статистически намного длительнее вторых. Среди безударных дифтонгов в спонтанной речи максимальной длительностью обладает дифтонг [ai], а самым коротким является дифтонг [ou].

Длительность гласных в английском языке во многом зависит от характера последующих согласных. Для выяснения влияния этого фактора были рассмотрены ударные и безударные гласные в выборке двусложных слов с первым и вторым ударным слогом. Ударные гласные проявляют ярко выраженную тенденцию к укорочению перед глухими согласными. Было выяснено, что их длительность выше перед звонкими смычными согласными. Более значительное увеличение длительности ударного первого слога наблюдается перед звонкими щелевыми согласными. Кроме этого, ударные гласные больше удлиняются перед плавными, чем перед носовыми согласными. Ударный гласный конечного слога длительнее перед звонкими смычными согласными и короче перед звонкими щелевыми. Самые низкие показатели длительности найдены у ударного гласного последнего слога перед глухой смычной согласной.

При сравнительном анализе длительности безударных гласных в двусложных словах с первым и вторым ударным слогом удалось установить, что они короче перед глухими смычными согласными и длиннее, когда за ними следуют звонкие смычные или звонкие щелевые согласные.

Отмечается большое значение собственной средней длительности ударных гласных в степени их изменения перед согласными. Относительно «короткие» ударные гласные обнаруживают тенденцию к увеличению длительности перед глухими согласными и уменьшению ее перед звонкими, в то время как относительно «длинные» ударные гласные подчиняются общему фонетическому закону: их длительность снижается перед глухими согласными. Этот факт можно, по-видимому, объяснить тем, что гласные с относительно небольшой средней длительностью могут укорачиваться только до определенного предела, за которым дальнейшее снижение длительности может приводить к тому, что гласный не будет восприниматься как ударный.

Для изучения влияния позиции гласного по отно-

шению к ударению были исследованы абсолютная и относительная длительности гласных в выборке дву- и трехсложных слов спонтанной речи. Установлено, что абсолютная длительность ударных гласных в спонтанной речи выше, чем аналогичные показатели безударных гласных. Несмотря на значительные вариации абсолютной длительности гласных в двусложных словах с первым ударным слогом в лекции и диалоге, относительная длительность ударных гласных в обоих типах спонтанной речи была почти идентичной: в лекции — 1,47 и в диалоге — 1,42.

Положение ударного гласного в двусложном слове оказывает заметное влияние на его длительность. Так, длительность ударных гласных в конечных слогах в лекции была выше на 25,25%, чем в начальных слогах, а безударных гласных соответственно на 24,0%. Относительная длительность ударных гласных в словах со вторым ударным слогом выше, чем в словах с первым ударным слогом, и колеблется от 2,11 в диалоге до 2,29 в лекции.

Таким образом, в потоке речи положение гласного по отношению к ударению существенно влияет на абсолютные показатели его длительности и почти не отражается на относительной длительности ударных гласных.

Длительность гласных зависит от их позиции в слове и синтагме [5, 6]. Была изучена длительность гласных в слогах типа ГС, СГ, СГС, ГСС в зависимости от положения в синтагме спонтанной речи. Длительность закрытого слога в конце синтагмы оказалась значительно выше, чем в середине. Если в середине синтагмы длительность гласных в этих слогах превышает таковую согласных, то в конечных закрытых слогах гласный становится короче согласного. В открытом слоге наблюдается противоположная тенденция. Очевидно, позиция конца синтагмы очень сильна, сильнее, чем принципиальное различие между согласным и гласным.

Путем сопоставительного анализа длительности идентичных слов, взятых из начала, середины и конца синтагмы, удалось показать, что конечные слова синтагмы более длительны за счет удлинения конечного слога, главным образом увеличения длительности гласного этого слога.

Таким образом, несмотря на множество факторов, оказывающих влияние на длительность гласных в потоке речи, выявлены некоторые закономерности, характерные в целом для двух типов спонтанной речи: а) стабильные соотношения средних собственных длительностей гласных; б) стабильность и схожесть цифр относительных длительностей ударных гласных; в) обратная зависимость длительности гласных от темпа речи. В то же время, следует отметить ряд существенных различий в длительности гласных обоих типов спонтанной речи. Особенно это относится к абсолютной длительности гласных, которая в диалоге всегда ниже, чем в лекции. Найденные закономерности могут быть использованы для распознавания разных типов спонтанной речи и для количественной оценки степени владения языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градобык Н. С. Просодические характеристики устного собственнo-публицистического монолога (на материале англ. языка). Автореф. канд. дис. Минск, 1974.
2. Бондаренко Л. П. Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотнесенность с синтагматическим членением. Автореф. канд. дис. Л., 1978.
3. Болла К. Проблема экспериментального исследования длительности гласных звуков в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1963.
4. Бровченко Т. А., Варбанец П. Д., Таранец Т. Г. Метод статистического анализа в фонетических исследованиях. Одесса, 1976.
5. Курятникова Э. Г. Два аспекта длительности гласных фонем английского языка.— Учен. зап. Горьковского пед. ин-та ин. яз., 1971, вып. 46, с. 59—79.
6. Потапова Р. К. К типологии временной организации речи в германских языках.— Вопр. языкознания, 1977, № 1, с. 39—47.

Л. П. БОНДАРЕНКО, Л. В. ЛАНТУХ

ИЗМЕНЕНИЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТЕМПА РЕЧИ

Темп речи оказывает наиболее осязаемое влияние на длительность звуков, в том числе и гласных [1].

Он определяется количеством звуков, произносимых в одну секунду [2].

При изучении нами длительности гласных в зависимости от темпа был найден компромисс между собственно речью в виде лекционного монолога четырех дикторов и «имитированной» речью в виде отдельных фраз, взятых из лекции и проговоренных теми же дикторами. Всего использовано 79 синтагм.

При исследовании всех аспектов длительности оказалось, что у первого диктора, с наиболее низким темпом речи, длительность гласных была самой высокой.

Ускорение темпа речи тесно коррелировало с собственной средней длительностью гласных. Например, у первого диктора в лекции самые заметные изменения произошли с гласными с относительно высокими средними цифрами длительности. У него при повышении темпа речи на 27,18% средняя длительность гласных уменьшилась на 16,38%. У четвертого диктора, с наиболее высоким нормальным темпом, при убыстрении темпа на 24,73% длительность гласных уменьшилась на 17,65%. Таким образом, было доказано, что изменения в длительности гласных в связи с убыстрением темпа у разных дикторов почти не зависят от исходных нормальных показателей темпа, а тесно коррелируют со степенью его убыстрения.

Этот вывод подтверждают изменения в длительности гласных, происшедшие у третьего диктора. Убыстрение темпа у него было самым незначительным по сравнению с другими дикторами — 15,86%. Поэтому ни одного сколько-нибудь значимого статистически достоверного изменения в длительности отдельных гласных при убыстрении темпа у третьего диктора не найдено. Средняя длительность гласных у него также снизилась в небольшой степени (на 10,71%).

У второго диктора были самые низкие показатели средней длительности гласных в нормальном темпе. Очевидно, поэтому при довольно значительном убыстрении темпа снижение в длительности гласных оказалось у него минимальным (на 9,72%), причем укорочение произошло главным образом за счет гласных с низкими средними цифрами длительности.

Длительность гласных находится в тесной зависимости от длины синтагмы [3]. Эта зависимость проверялась при разных темпах речи. Оказалось, что гласные в длинных синтагмах обладают меньшей

длительностью, чем в коротких. Кроме того, была установлена высокая степень отрицательной корреляции между укорочением гласных в длинных синтагмах по сравнению с короткими и ускорением в них темпа.

Анализ графиков длительности звуков в короткой и длинной синтагме (см. схему) позволил выяснить, что в короткой синтагме ее укорочение в связи с убыстрением темпа начинается с 25,0% средней длительности, а в длинной — с 50,0%. Длинная синтагма укорачивается более значительно. Укорочение синтагм при убыстрении темпа происходит главным образом за счет изменений в длительности безударных гласных. При среднем для всех дикторов убыстрении темпа на 21,97% средняя длительность безударных гласных снизилась на 30,87%, а ударных — на 14,05%. Можно предположить, что темп не задается сразу, а как бы формируется к определенному моменту.

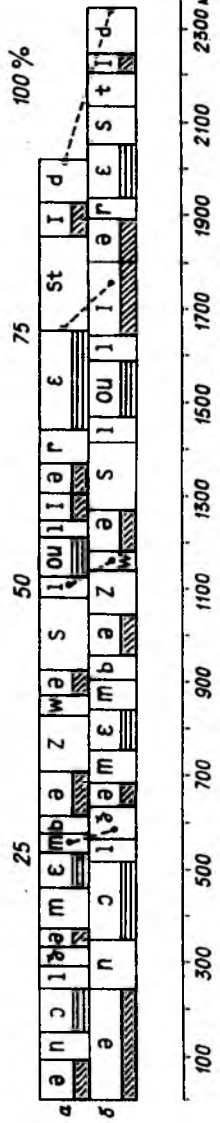
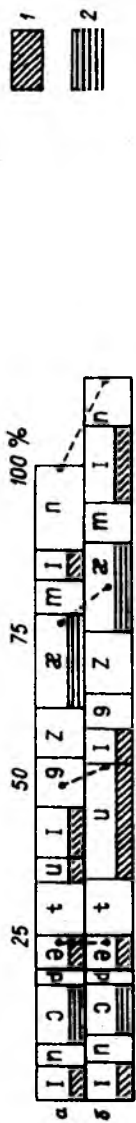
Анализ суммарных длительностей ударных, безударных гласных и согласных в синтагмах с нормальным и убыстренным темпом позволил прийти к заключению, что процентное содержание суммарных длительностей гласных и согласных в сравниваемых фразах у всех дикторов почти не отличалось. При убыстрении темпа произошло некоторое снижение процентного содержания суммарной длительности безударных гласных с незначительным повышением процентного содержания суммарной длительности ударных гласных и согласных.

Таким образом, убыстрение темпа речи сопровождается сокращением длительности безударных гласных.

В заключение следует отметить, что метод сопоставительного анализа синтагм, произнесенных одним и тем же диктором с нормальным и убыстренным темпом, позволяет вскрыть внутренние механизмы воздействия темпа на длительность гласных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиндер Л. Р. Общая фоэтика. Л., 1960.
2. Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
3. Остапенко В. А. Исследование длительности в британском и американском произношении. — В кн.: Вопросы германской филологии. Л., 1973, с. 82—85.



Длительность гласных в короткой и длинной синтагме при нормальном (б) и убыстренном (а) темпе.

1 — безударные гласные; 2 — ударные.

ЭКСПРЕССИЯ ПОДЛИННИКА И ПЕРЕВОД

Многие советские и зарубежные специалисты в области переводоведения главным в искусстве перевода считают принцип «равнозначности впечатления». «Перевод должен воздействовать на нас точно так, как оригинал воздействовал на его первых слушателей» (Метью Арнольд) [1]. «Идеальный перевод... по возможности должен вызывать у наших читателей эффект, близкий к эффекту, который вызывал оригинал у его читателей» (Саутер) [1, с. 125]. «Книга, прежде всего, — произведение искусства, она должна вызывать у читателей те тончайшие переливы чувств и настроения, которые владели в момент создания душой автора» (С. Прокопович) [2]. «Существует понимание адекватности перевода как сохранение той же реакции адресата при восприятии переведенного текста, что и при восприятии текста — оригинала» (Брандес) [2, с. 66].

Чтобы переведенное произведение рождало примерно те же чувства и ассоциации, что и подлинник, и не ощущалось как перевод, переводчику приходится решать множество задач, главные из которых — передача смысловой информации текста и его словесно-образного выражения. Однако не менее важным, если не решающим, является идентичное воспроизведение эмоционально-экспрессивного содержания подлинника. Важно не исказить, а сохранить и воссоздать возможностями иного языка это содержание, выражающее отношение автора к жизни. Слово, образ, ритм, интонация, звуки, созданные, как справедливо указал Е. Эткинд [9], по закону необходимости, несут в себе, эмоционально-экспрессивный заряд, отражающий чувственный мир писателя, его миропонимание, его индивидуальность.

Под эмоционально-экспрессивной характеристикой языковых средств в современной лингвистике понимается способность образно-изобразительных элементов языка обладать не только функциональной стилистической окраской, но и чувственно-выразительными признаками, благодаря которым они передают как смысловую структуру, так и эмоциональное отношение к содержанию высказывания.

«Экспрессия (экспрессивность) — это усиление выразительности и изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [3, с. 107].

Основными категориями языковой экспрессии являются: образность, интенсивность, оценочность и эмоциональность. Изучение лингвостилистикой эмоционально-экспрессивного начала в языке имеет большое прикладное значение для переводоведения. Еще В. В. Виноградов отмечал, что «экспрессивная оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных элементов высказывания» [4, с. 18].

В теории и практике перевода также накоплен опыт в осмыслении и творческой репродукции эмоционально-экспрессивного содержания художественного текста. Экспрессия рассматривается в переводоведении как важное стилистическое явление, которое часто «преобладает над семантическим и является решающим моментом при выборе слова в переводе» [5, с. 134].

Цель данной статьи — проанализировать перевод поэмы А. Блока «Двенадцать» на немецкий язык. Это произведение — шедевр искусства огромной художественной силы. Вдохновенно, на большом взлете чувств показал поэт крушение старого мира, очистительный мировой пожар революции, как начало трудного (через борьбу, кровь и страдания) пути человечества к гармонии и совершенству. Необычность композиции поэмы, разнообразие ее ритмов — от народной плясовой частушки до марша революционных лозунгов, «площадный» язык улицы, разговорное просторечье, новые слова (товарищ, буржуй, большевики и т. д.), метафоричность и фольклорная образность — все эти художественные средства поэта впечатляюще передают музыку разрушения старого мира, кипение человеческих страстей, их драматизм. Обилие безэквивалентной лексики, слов неадекватного стилистического и экспрессивного значения, своеобразная ритмическая оркестровка поэмы, многообразие поэтических размеров и т. д. делают ее необычайно трудной для перевода. Но сложности не останавливают переводчиков. Так, на немецком языке вышло уже свыше десяти переводов поэмы, хотя, по мнению немецкой критики, лишь два заслуживают внимания — перевод Вольфганга Гроегера (1921) и Пауля Целана (1958) [7, с. 78]. При этом предпочтение

отдается П. Целану, которому, как считает Ф. Миегау, удалось точнее, нежели В. Гроегеру, воспроизвести семантико-звуковую гармонию оригинала в целом, правда, ценой ощутимых утрат в плане смысловом.

Безусловно ритмы и интонации поэмы, ее стиховой темп, аллитерации, символика звуков и красок играют главенствующую роль. Воссоздать их трудно, но необходимо, и здесь многое удастся П. Целану.

Например:

*А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:*

— Предатели!

— Погибла Россия!

*Должно быть, писатель-вития...
[7, с. 6]**

*Und der da drüben? Lange
Mähne*

*Murmelt was zwischen den
Zähnen:*

— Verrat!

— Verrat an Rußland, Verrat!

Vermutlich ein Literat... (S. 6)

А вон долгополый —

Сторонкой — за сугроб...

Что нынче невесёлый

Товарищ поп? (с. 7)

Und da! Die SchöÙe flattern —

Da, da, wo's grade stobl!

Warum heut so verdottert,

Genosse Pop? (S. 7).

Звуковой и структурно-композиционный рисунок перевода передает блоковский многообразие ритма, речевых интонаций, а также темпа, то крайне напряженного, то резко прерывистого.

Поэт-переводчик П. Целан делает попытки воспроизвести даже национально-специфические песенно-частушечные формы стиха, — фольклорные заплачки, мотивы революционных песен и городских романсов. Например:

*Как тошли наши ребята
В Красной гвардии служить —
В Красной гвардии служить —
Буйну голову сложить! (с. 23)*

— Ох, товарищи, родные,

Эту девку я любил...

Ночки черные, хмельные

С этой девкой проводил...

(с. 42)

Singen unsere Jungens hin,

Wurden Rotgardisten,

Wurden Rotgardisten,

Hieltens tolle Köppchen hin

(S. 23).

Ach, ihr Guten, ach, ihr

Freunde,

Ach sie will nicht aus dem

Sinn...

Nächte schwarz und Nächte

dunkel,

Nächte brachte ich mit ihr

hin...

* Далее все примеры цитируются по этому источнику, в скобках даны страницы.

Конечно, репродукция музыкально-звуковой стихии поэмы во всей полноте ее стилистических оттенков и эмоциональных нюансов — дело почти невозможное. Поэтому здесь не может быть все удачно и равноценно.

Блоковское четверостишие «Не слышно шума городского», например, теряет в переводе П. Целана лаконизм и мелодику русского романса, но, если бы этого не произошло и были бы найдены по всем параметрам более близкие семантические эквиваленты, все равно переводчику не вызвать адекватных ассоциаций у немецкого читателя, так как это не его песня, не его история, не его стихия. И тем не менее немецкая критика справедливо отмечает, что ритмическую виртуозность этой (по Мандельштаму) «монументальной частушки», лучше П. Целана пока никто не воспроизводил, и она с этой стороны вполне доступна немецкому читателю («Celans Text im Ohr versteht der deutsche Leser»). Как показывает наш анализ, наибольшее «сопротивление» оказала поэма на уровне слова и словосочетания, на уровне воспроизведения элементов экспрессии и стилистических тонкостей. Если бы существовала оценочная шкала качества перевода, то вариант П. Целана в этом плане не дополнил бы многих баллов.

Трудным, например, для переводчика оказалось перевыражение безэквивалентной русской лексики с большим эмоционально-экспрессивным объемом и сложными стилистическими коннотациями (*лихач*, *юнкерье*, *солдатье*, *голытьба*, *бедняга* и др.). Слова *Kutscher*, *Junkers*, *Landser*, *Habenichtse altes Haus* эмоционально снижены и не передают семантических оттенков русских понятий, например, *юнкерье*, *солдатье* — собирательная форма, выражающая презрение. *Лихач* — не просто кучер, а лихой, бесшабашный ездок. *Altes Haus* не вызывает сострадания, соучастия, жалости. Это не *бедняга*, а, скорее, *дружище*.

Практически лишь одному слову этой категории лексики найдено близкое экспрессивно-адекватное соответствие — *вития* — *Literat*. Не удалось воспроизвести в переводе эмоциональный и оценочный характер уменьшительных и некоторых других форм, как, например: *толстоморденькая*, *шинелишка*, *времячко*, *ружьецо*, *кровушка*, *зазнобушка*, *чернобровушка*, *винто-*

вочка и т. д., а также выразительных эпитетов типа: паршивый, шелудивый, безродный (пес), лютый, неугомонный, незримый (враг), бедовая (удаль), хмельные (ночки), огневые (очи), державный, беглый (шаг), пуховые (сугробы), надвьюжная (поступь), хлесткий (ветер). Оставлены без внимания экспрессивно-усилительные слова в строках: *Старушка убивается — плачет — Kommt ein Mütterchen, das weint* [7, s. 4, 5]; *Больно ножки хороши! — Weinchen will geschwungen sein* [7, S. 29]. Многие метафоры и фразеологизмы Блока, очень важные для выражения символики революции, для понимания глубины ее смысла, или не переданы совсем, или воспроизводятся неточно, приблизительно, утрачивая существенные детали. Например:

- | | |
|--|---|
| <p>— <i>Ишь, стервец, завел шарманку,</i>
 <i>Что ты, Петька, баба</i>
 что ль?</p> <p>— <i>Верно, душу наизнанку</i>
 <i>Вздумал вывернуть?</i>
 Изволь!</p> <p>— <i>Поддержи свою осанку!</i>
 <i>— Над собой держи контроль!</i>
 (с. 44)</p> | <p>— So, jetzt einmal Leierkasten.
 Einer wird sentimental.
 — Wozu gibt es Tränendrüsen?
 Nein, Herr, Sie erlauben mal.
 — Etwas Selbstkontrolle, bitte.
 — Haltung, Petja, Andre
 Schritte (S. 44).</p> |
|--|---|

Почти каждая строка оригинала — это фразеологизм с образной внутренней формой, придающей ей ярко выраженную экспрессию — *завести шарманку*, (как) *баба*, *вывернуть душу наизнанку*, *поддерживать осанку* — держать над собой контроль. Стилистически маркированы слова *стервец* и *Петька*.

Целановские эквиваленты (einer wird sentimental, wozu gibt es Tränendrüsen, etwas Selbstkontrolle, bitte и т. д.) изменяют словесно-образную ткань подлинника и, следовательно, художественную манеру автора. Нередко отклонения от оригинала, казалось бы весьма незначительные, приводят к обеднению смысла. Рассмотрим, например, перевод ставшего крылатым четверостишия:

- | | |
|---|---|
| <p><i>Мы на горе всем буржуйм</i>
 <i>Мировой пожар раздуем,</i>
 <i>Мировой пожар в крови —</i>
 <i>Господи, благослови!</i> (с. 23)</p> | <p>Allerorten, allerwegen
 Wolln, Burschi, wir Brände
 kegen,
 Das Blut soll Kochen und sich
 regen.
 Herr im Himmel, gib den
 Segen (S. 23).</p> |
|---|---|

Метафорическая идиома *раздуть пожар*, лежащая в основе четверостишия, примерно соответствует немецкому устойчивому сочетанию «Gründe legen», но у Блока она, благодаря словам, *мировой* и *в крови* приобретает значительное углубление смысла — *мировой пожар в крови* — это пламя идей революции, которое охватит умы людей на всей планете и которое, следовательно, невозможно будет погасить. Недаром поэт усиливающим повтором и рифмой *в крови* — *благослови* уточняет и подчеркивает эту мысль. Немецкие (не лишённые экспрессии) выражения *allerorten, allerwege (езде, всюду)* и *das Blut soll kochen und sich regen (кровь закипит и забурлит)* все же не достигают цели в передаче глобального масштаба и неизбежности пролетарской революции. Вызов, брошенный всем буржуям мира, выражен в оригинале уверенней и категоричней, чем у Целана.

Точнее, чем Целан, воспроизвел эмоционально-экспрессивную и смысловую сущность этого четверостишия переводчик Е. Гроегер. Рассмотрим его вариант:

Fachen an den Weltbrand,
Würger
Dieser Welt der lieben Bürger
Weltbrand in Gehirn und Blut.
Herrgott, segne unsere Wut
(S. 78).

Переводчик сохраняет блоковскую метафору *раздуть мировой пожар в крови* и, осознавая ее глубинную значимость, не только оберегает ее в рефрене, но и усиливает словами *Würger* и *in Gehirn (в мозгу!)*. Кроме того, презрительное на языке подлинника слово *буржуй* Гроегер расшифровывает эмоционально-выразительным словом *Würger (душитель, убийца)*, вынеся его на самое акцентное место, да еще оттенив при этом разрывом строки, поэтическим переносом. В конце последней строки привносится также весьма экспрессивное слово *Wut (злоба, гнев, бешенство)*. Такое расширение текста обусловливается, очевидно, стремлением переводчика как можно «дословнее» с исчерпывающей полнотой отразить эмоциональное и смысловое содержание блоковской поэмы, но она не имеет ничего общего с буквализмом, который делает перевод похожим на подстрочник, лишая его поэтичности.

Для переводческой манеры П. Целана характерна, как раз наоборот, недостаточность «конкретности» текста, что, как справедливо замечает Ф. Мироу (F. Miegau), приводит к смысловым сдвигам, причем обычно в сторону ослабления. Попробуем убедиться в этом еще на одном примере:

<p><i>Старушка, как курица, Кой-как перемотнулась через</i> — <i>Ох, матушка-заступница!</i> — <i>Ох, большевики загонят</i> <i>в гроб! (с. 4)</i></p>	<p>Mütterchen, muß durch den Schnee — Irgendwie wird es schon gehn. — Maria — Fürsprech, blick herab. — Die Bolschewiken bringen mich ins Grab (S. 4).</p>
--	--

Отсутствие в переводе сравнения *курица*, а также дважды повторенного междометия *ох* меняет эмоционально-образный характер куплета. Не точна также последняя строка, не говоря уже о том, что близкие по значению устойчивые сочетания *загнать в гроб* — *ins Grab bringen (свести в могилу)* разнятся по объему экспрессии (первое интенсивнее). Общий смысл четверостишия ослабляется добавлением личного местоимения *мich*. Старушка у Блока олицетворяет все одряхлевшее, отжившее в России, т. е. все то, что большевистская революция неумолимо должна смести с арены истории. Конкретизация же местоимением *мich* лишает выражение этой символики, этих ассоциаций.

Для стиля блоковской поэмы характерны экспрессивно насыщенные глаголы, выражающие большую интенсивность, динамику, образность действия, такие, как *несется вскачь, летит, вопит, орет...*, *вскрутился к небу, пальнем-ка пулей, запрокинулась лицом, сердце екнуло, шоколад миньен жрала, уторапливает шаг, оторопел, нянчиться, загубить сгоряча, позабавиться не грех, ножичком полосну, штыком пощечочу, провались — поколочу, эй не завирайся, вывернуть душу наизнанку* и т. д. Соответствия у Целана в этом плане менее выразительны, что дает основание говорить о неадекватности его перевода экспрессивно-стилистической тональности подлинника, которая, как мы убедились выше, накладывает свой отпечаток на идейно-смысловую сущность произведения. Следует заметить, что анализ перевода, проводимый на уровне слова, сло-

Немецкий вариант свидетельствует о большом желании переводчика как можно нагляднее перевыразить впечатляюще яркий блоковский образ рухнувшего мира. Немецкие соответствия *hungrig, hündisch* — *голодный*; *hält sich wie ein Fragezeichen* — *стоит как вопрос*; *Sprache ist ihm fremd* — *безмолвный*; *ein Köter herrenlos* — *как пес безродный*; *der Schwanz ist eingeklemmt* — *поджавши хвост* воспроизводят даже слишком описательно и подробно словесно изобразительную ткань четверостишия. Но в жертву неизбежно приносятся многие единицы поэтического синтаксиса, утрачивается лаконизм и непринужденность подлинника. Справедливо замечание, что переводчик «вынужден все время лавировать между Сциллой буквализма и Харибдой вольного перевода, стараясь найти между ними тот узкий, но достаточно глубокий проход, идя которым, он сможет прийти к желанной цели — максимально эквивалентному переводу» [8, с. 234].

Перевод П. Целана представляется нам одной из попыток отыскать тот проход, ту золотую середину, которая позволит немецким читателям постигнуть художественную мощь блоковской поэмы во всей полноте ее эмоционально-эстетического воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
2. Тетради переводчика. Вып. 15, 16. М., 1978.
3. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. Сборник статей по языкознанию. М., 1958.
4. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
6. Мастерство перевода. Сб. II. М., 1977.
7. Alexander Blok. Die Zwölf. Deutsche Nachdichtung von P. Celan. Leipzig 1977.
8. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975.
9. Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Стриженко.</i> О пр... (на материале английского...)	3
<i>Е. С. Блиндус.</i> К вопросу об эллиптическом предложении (на материале английского языка)	17
<i>Т. Р. Сухомлинова.</i> К вопросу о рекуррентности однокомпонентных предложений в современном английском языке	31
<i>П. В. Пак.</i> Структурно-семантические признаки репрезентанта <i>would</i> в современном английском языке	40
<i>Я. Г. Биренбаум.</i> О сочинении придаточных предложений	53
<i>Н. А. Кузьменко.</i> О критериях определения смысловых границ слова	68
<i>Ю. А. Тамбовцев.</i> Цветовые соответствия английских гласных фонем у носителей русского языка	74
<i>Л. В. Лангух.</i> Временные характеристики английских гласных в спонтанной речи	80
<i>Л. П. Бондаренко, Л. В. Лангух.</i> Изменение длительности английских гласных в зависимости от темпа речи	84
<i>В. С. Скробов.</i> Экспрессия подлинника и перевод	88

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(романо-германские языки)

Ответственный редактор **Вера Николаевна Куприянова**

Утверждено к печати Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства М. А. Лапина. Художник С. М. Кудрявцев. Технический редактор Ф. Ф. Орлова. Корректоры Л. Л. Михайлова, А. А. Надточий

ИБ 10305

Сдано в набор 31.03.80. Подписано к печати 03.03.81. МН-05524. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 2. Обыкновенная гарнитура. Offsetная печать. Усл. печ. л. 5,04. Усл. вр.-отт. 5,3. Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2000 экз. Заказ № 109. Цена 75 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.